

TV СЕРИАЛ
ЖУРНАЛИСТКА

ВЕЛЛАНА

АЛЕШИНА

ТАБЛЕТКИ
от жадности



ЭКСМО

TV журналистка

Светлана Алешина

Таблетки от жадности (сборник)

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Таблетки от жадности (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (TV журналистка)

Бесстрашная Ирина Лебедева вновь идет по следу преступника. Ведь на ее гордость – передачу «Женское счастье», бессменной ведущей которой Ирина и является, снова брошена тень: хозяйку ресторана «Олененок», недавно снявшуюся в «Женском счастье», обвинили в преднамеренном убийстве. А Ирина со своей съемочной группой только что с шиком отобедала в ее замечательном ресторане. В этот же день скончался врач санэпидстанции, который брал в «Олененке» пищевые пробы! Что это – несчастный случай или дело рук коварного отравителя?..

Содержание

Таблетки от жадности	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Светлана Алешина

Таблетки от жадности (сборник)

Таблетки от жадности

Глава 1

Из кухни исходило зловоние, живо напомнившее мне о моих школьных годах. Из нашей дешевой школьной столовой временами неслась такая же омерзительная вонь, какая теперь исходила из моей собственной кухни, – она встретила меня у двери ванной, откуда я вышла после утреннего душа.

– Так, садись, сейчас все будет готово! – Володька, мой драгоценный супруг, стоял в одних трусах и майке у плиты и что-то яростно помешивал в небольшой эмалированной кастрюльке.

– Слушай, мне бы позавтракать надо, – сказала я в некоторой растерянности. Володька кивнул, продолжая мешать. – А тебе разве не идти сегодня в университет?

– Идти, – отвечал мой муж, усердно работая ложкой. – Успею еще...

Я кивнула, покорно усевшись за кухонный стол. Ничего нового в этом не было, все происходило как обычно. В нашем степном поволжском городе каждое лето имеет обыкновение быть жарким. Когда температура воздуха в тени приближается к сорока, на солнце ее измерять никто не отваживается. Жизнь в городе в такую пору делается невыносимой, более-менее по-человечески чувствуешь себя только на пляже, у воды, и искренне завидуешь тем, у кого сейчас отпуск и кто может из воды не вылезать вовсе. А если у тебя сейчас работа и отпуск намечен на август? Если теперь, в июле, на телевидении с тебя каждую неделю требуют новую программу «Женское счастье», а Володьку, как назло, забрали в приемную комиссию при химфаке университета, и теперь он должен принимать там вступительные экзамены?

На пляж мы все-таки выбираемся, но только вечером, после пяти, что совсем неплохо: и после пяти в городе жара стоит страшная, а на пляже хорошо и приятно. Вернувшись с реки, Володька сразу же засыпает мертвым сном, затем часа в три ночи комары будят его. И тогда у мужа просыпается дикая жажда кулинарного творчества, ему непременно хочется приготовить что-нибудь экзотическое, по заморскому рецепту, из заморских продуктов и специй. Чем он и занимается вплоть до самого утра, когда просыпаюсь я, чтобы оценить его творческие победы и поражения. Последнее почему-то случается чаще.

– Так, готово, ставь две тарелки! – скомандовал супруг. Я подчинилась, зная, что протестовать в данном случае бесполезно.

– Ну, и как это называется? – спросила я чисто из вежливости.

– Шоколадный мусс с ореховой глазурью! – гордо объявил Володька, выливая на тарелки коричнево-бурую, омерзительную на вид массу с какими-то черными точками-вкраплениями, до тошноты похожими на тараканий помет. – Рецепт я нашел в журнале «Штерн», мне Виталька Белоусов перевел...

Володька отставил кастрюлю, сел за стол, взял ложку и, отважно зачерпнув коричневую бурду, понес ее ко рту, при этом внимательно глядя на меня и ожидая, что я сделаю то же самое. Но я не шевелилась. Тогда муж разочарованно отложил ложку, посмотрел на меня обиженно.

– Слушай, – сказал он, – это вовсе не такая уж гадость, как ты думаешь.

– Судя по запаху, – возразила я, – это еще большая гадость, чем можно себе представить.

– А, так это запах не от мусса, – засмеялся Володька. – Это я на плиту молоко пролил.

– Опять проглядел, когда кипятил, да?

– Ну, конечно! – муж казался по-детски смущенным. – Так что кушай шоколадный мусс, не стесняйся.

– Нет уж! – сказала я решительно. Бурую массу с вкраплениями тараканьего помета мне не хотелось есть ни под каким видом. – У меня с утра всегда аппетит плохой, так что как-нибудь потом.

– Потом это остынет! – возразил Володька.

Но я, не слушая его, поставила на огонь чайник, достала из холодильника колбасу и стала резать хлеб для сэндвичей. Видя это, муж грустно вздохнул, покорно взял ложку и отправил остывающее варево в рот. Он даже не поморщился при этом, не побледнел, но мужественно проглотил и зачерпнул вторую ложку. Искоса наблюдая за ним, я немного жалела, что мой Володька химик по профессии, а не микробиолог, как Пастер: у него хватило бы мужества на себе испытывать действие тех или иных возбудителей болезней и методы их лечения.

– Слушай, а это, по-моему, вполне съедобно, – заявил он после третьей ложки. – Так что попробуй, не стесняйся. К обеду это уже остынет и будет не так вкусно.

– К обеду? – переспросила я. – Едва ли я буду сегодня обедать дома.

– Вот как? – лицо у Володьки вытянулось. – Опять запарка на работе? В такую-то жару...

– Сегодня же пятница, у меня вечером эфир.

– И кто в программе?

– Владелица ресторана «Олененок» Надежда Алексеевна Андреева. Тебе это имя что-нибудь говорит?

– Да нет, ничего...

– Ну вот, – продолжала я. – В ее ресторан мы сегодня приглашены в середине дня – познакомиться, поснимать виды... Сам понимаешь, без хорошего обеда нас едва ли отпустят.

– И в предвкушении его ты не хочешь поэтому есть мой шоколадный мусс?

– Не отчаивайся, Вовик! – бодро сказала я. – Быть может, жара продлится до конца августа, и за это время ты так поднатроеешь в приготовлении пищи, что даже сварешь что-нибудь съедобное. А пока – извини...

И, подхватив чай с сэндвичами, я отправилась завтракать в нашу спальню, наиболее удаленную от кухни комнату. Туда запах горелого молока доносился, во многом теряя свою тошнотворную силу.

* * *

Ресторан Надежды Алексеевны Андреевой «Олененок» располагался на первом этаже огромной, в целый квартал, девятиэтажки. Перед ним – аккуратная, с ровным, как стол, асфальтовым покрытием парковка, точно нарисованные по линейке клумбы с растущими на них розами и молодыми каштанами, вымощенный разноцветной плиткой тротуар. На фасаде красовалась неоновая вывеска: РЕСТОРАН «ОЛЕНЕНОК» – синие, замысловато изогнутые, словно танцующие буквы, и силуэт этого симпатичного лесного зверя, давшего имя ресторану, был нарисован желтой краской на огромных, во всю стену, ресторанных окнах-витринах.

Мы припарковали нашу серую телевизионную «Волгу» и стали с недоумением оглядываться по сторонам. В этот ранний час возле ресторана было пустынно, на шикарной парковке, кроме нашей, стояло лишь две машины, синяя «шестерка» да малиново-красный «Фольксваген». Безжалостные солнечные лучи заливали пространство перед рестораном ослепительным светом, щедро отражаемым белой кирпичной стеной дома, и, даже сидя в машине, мы все почувствовали, что возле входа в ресторан – настоящее пекло, как в бане.

– Да уж, – проговорил, изнемогая от жары, с ленивым недоумением сидящий на заднем сиденье в обнимку с телекамерой Павлик. – Ну, и где же кто-нибудь? Мы ведь по телефону договорились, сообщили, когда подъедем, и нас обещали непременно встретить...

– Будто вымерли все, – согласился наш водитель Костя Шилов.

Оба умолкли, и я поняла, что решающее слово на предмет того, что мы должны теперь делать, за мной.

– Так, ребята, – сказала я. – Если мы друг друга как-то не поняли, не обратно же нам возвращаться! Попробуем зайти к вам и выяснить, что случилось. Не выгонят же нас, в конце концов!

Костя Шилов воспринял мои слова как прямое указание к действию, выбрался из машины, поспешил к моей дверце, чтобы открыть ее и помочь мне выйти. Павлик досадливо по привычке скорчил гримасу: ему, как всегда, досталось самое неприятное – тащить на себе телекамеру. А таскать что-либо на себе наш Павлик жуть как не любит. Как это с таким характером решился он стать телеоператором, ума не приложу.

– Костя, помогите Павлику управиться с телекамерами, – попросила я, без чьей-либо помощи выбираясь из машины. – Заприте машину и отправляйтесь за мной. Я сейчас толкнусь в главный вход, и, если он закрыт, пойдем через служебный. В ресторан мы должны попасть во что бы то ни стало!

К нашей радости, главный вход оказался незапертым. Я прошла внутрь, обнаружив просторное фойе с раздевалкой, но и тут ни единой живой души. И правда, чертовщина какая-то, подумала я, двери открыты, а вокруг никого. После всех происшествий, трагических и комических, что происходили со мной за время работы на телевидении, начинаешь побаиваться таких странностей: а вдруг опять что-нибудь из ряда вон выходящее?

Поэтому я не пошла дальше, но у входа подождала, пока подойдут груженные телевизионными аксессуарами Павлик с Костей.

Разумеется, проходя через стеклянно-деревянную дверь, наш оператор не мог не зацепить ее как следует, так что та с грохотом ударилась о стену, чудом не разлетевшись на куски. Этот грохот возымел действие – мы услышали чей-то отдаленный голос, сказавший:

– Там опять кто-то ломится! – Затем шаги, и вскоре перед нами предстал квадратно-прямоугольный дядечка, в котором мы без труда определили ресторанного швейцара.

– Так, ну и куда вы прете, господа-товарищи? – спросил он нас довольно развязно. – Не видите, что ли, ресторан закрыт, у нас ревизия. На двери висит объявление, читать разучились со школьных времен?

Я замерла с открытым ртом и в полной растерянности. Это бич моего характера, и ничего не могу с ним поделать. Любой нормальный человек, когда ему хамят, найдет нужные слова, чтобы нахамить в ответ. Я же в таких случаях совершенно теряюсь, беспомощно гляжу на наглеца и не знаю, что мне делать.

– Однако! – сказал крайне неприветливо швейцар, пристально вглядываясь в мое лицо. – Как говорят в Одессе, где это я мог видеть ваш портрет?

– По телевизору, наверное, – робко предположила я. Швейцар зло рассмеялся.

– Точно по телевизору? А не вчера вечером, вон там, на углу, ты перед шоферами формами своего тела вертела?

У меня перехватило дыхание, почувствовала, что еще немного, и я расплачусь. А у нашего шофера Кости Шилова терпение лопнуло, он опустил прямо на мраморный пол телевизионную аппаратуру, которую держал в руках, подошел вплотную к швейцару и сурово сказал:

– Прежде всего, позвольте вам представить: это – Ирина Лебедева, журналистка областного телевидения, ведущая программы «Женское счастье». А за те оскорбительные вещи, что вы тут наговорили, будьте добры извиниться!

– Извиняюсь! – послушно произнес швейцар. Не без удовлетворения я отметила, что хотя он был выше и шире Кости Шилова, серьезный и внушительный тон нашего друга произвел на него нужное впечатление. – Как вы говорите? Ирина Лебедева? – и широкое лицо швейцара расплылось в улыбке. – То-то я смотрю, где я мог видеть ваш портрет! Я вас по телевизору видел, вы там ток-шоу ведете! – сказал он с таким видом, будто мы только что не сообщили ему это сами.

Вид у всех нас оставался хмурым, а я еще не вышла из шока от такого приема. Заметив это, ресторанный страж объяснил:

– Вы меня, ей-богу, извините! У нас, швейцаров, это как безусловный рефлекс: если видишь знакомое лицо, но не знаешь, кто такой, значит, когда-то вышибал его, и теперь нужно гнать в шею.

– Скажите, а Надежду Алексеевну Андрееву увидеть можно? – наконец осмелилась я задать вопрос.

– Хозяйку-то? Ой, стойте-ка! – он озадаченно посмотрел на нас. – Ведь, ей-богу, она утром говорила, что к нам с телевидения должны приехать, а я и забыл. Только, – тут он смутился, – навряд ли сейчас что выйдет... Понимаете, у нас правда ревизия, мужик с санэпидстанции пришел, санитарный врач. Везде ходит, все смотрит, в каждый горшок нос сует. Хозяйка уж совсем голову потеряла, бегаёт за ним следом, чуть не плачет, а ему все по хрену. Не знаю, по-моему, ей сейчас не до вас...

Мы растерянно переглянулись. Да, с этим рестораном нам явно не везло.

– Что же получается, – проворчал сердито Павлик, – она нам назначила встречу как раз на время проверки?

– Ей-богу, не знаю! Не мое это дело. Впрочем, – швейцар доверительно понизил голос, – проверка эта, похоже, сверхплановая и непредвиденная. С утра мы точно ничего не знали про нее. В одиннадцать часов к нам мужик приперся и тычет свое удостоверение. «Я, – говорит, – санитарный врач».

– Да уж, лихо, – заметил Павлик. – Как в сталинские времена!

– А то! – согласился швейцар. – И строгий такой же. Так что извините, сейчас ничего не выйдет!

– Но... – занервничала я, – у нас же вечером прямой эфир с Надеждой Андреевой! Она на передачу-то хоть намерена прийти?

– Не знаю, ребята. Наверное, собирается. К вечеру она этого мужика наверняка выпроводит.

– Ну, тогда... – проговорила я неуверенно. – Мы приехали-то не столько ради нее, сколько ради самого ресторана. Нам нужно помещения поснимать, как все выглядит внутри, как обслуживают, просто, чтобы участники передачи представляли, что за заведение у Надежды Алексеевны.

– А, понятно, – вздохнул швейцар. – Ну ладно, пойдемте, я провожу вас. Поснимайте тут, чего хотите, только на хозяйку особенно не рассчитывайте, ей сейчас, ей-богу, не до вас.

Мы прошли в общий зал. Его интерьер был в современном, сумрачном темно-красном кровавом стиле: разбитый на квадраты зеркальный потолок, увешанные гирляндами бра, сумрачно-красные стены, блестящее, имитирующее паркет покрытие на полу. Не скрою, вид этого зала произвел на меня в тот момент удручающее впечатление.

Разумеется, когда мы вошли, ресторан был пуст, ни единого посетителя. В проходах между аккуратными рядами накрытых белыми скатертями столиков быстро и точно сновали официанты в накрахмаленных рубашках и темных брюках, носили подносы с горами посуды от той двери, где несомненно находилась кухня, возвращаясь обратно належке. Полюбовавшись немного на ресторанный суету, я сказала Павлику:

– Так, отлично! Давай снимай обеденный зал общим планом.

Павлик послушно включил камеру, стал водить вокруг объективом. Тем временем я обратила внимание, что, несмотря на снующих официантов, столики по-прежнему оставались пустыми, если не считать приборов с солью, перцем и горчицей посередине. Тогда я заметила, что все официанты, как муравьи, по муравьиной дорожке, проделывают путь исключительно в одном направлении, торопливо проходя между столиками, и скрываются за каким-то проемом, наверное, ведущим в один из небольших «кабинетов», имеющихся в каждом хорошем ресторане.

– Банкет для санитарного врача готовят, – пояснил, ухмыляясь, швейцар. – Мы уже звонили на санэпидстанцию, там нам сказали, что он пожрать любит. Предпочитает сладкое, торты, пирожные всякие... Так что вот, стараемся угодить.

Я ничего не ответила. Разумеется, я знала, что предприниматели львиную долю своим трудом и нервами добытых доходов отдают разного рода комиссиям, проверяющим, инспекторам, жирующим на их деньги. Но слышать про это – одно, а видеть своими глазами – совсем другое.

– Ирина, ты только не молчи, – сказал лениво-фамильярно Павлик. – Я же не могу бесконечно снимать этот зал, давай придумывай, что делать дальше.

– Что дальше? – переспросила я, в растерянности глядя на швейцара. – Ну что... Скажите, а на кухне можно немного поснимать? Как она выглядит, как работают повара, как готовятся блюда...

– Пожалуйста! – Он широким жестом пригласил нас на кухню. Продолжавшие деловито снова официанты с опаской косились на нас, оберегая свои подносы.

– Да, и еще... – я чувствовала смущение, готовясь высказать эту просьбу. – Я, конечно, понимаю, банкет не для нас, и нам там делать нечего... Но можно немного поснимать сам стол, когда все будет готово? Ведь сам по себе накрытый стол выглядит очень красиво, а когда это делают настоящие профессионалы, это уже целое искусство!

– Да, да, конечно, можно! – усмехнулся швейцар. – Кстати, хозяйка говорила, банкет готовить на несколько персон. Наверняка она имела в виду вас. Так что сегодня вы не только посмотрите на стол, но и покусаете, отведаете приготовленного.

Глупо, конечно, я ведь вовсе не обжора, и посещение хорошего ресторана мне вполне по средствам. Если я туда почти не хожу, так это из-за моего мужа Володьки, из-за его лени, а вовсе не из-за безденежья. Не бог весть какое чудо – обед в ресторане. Однако при этих словах швейцара настроение у меня приподнялось и потеплело в душе. А как заблестели глаза у Павлика, когда он услышал, что нас ждет угощение! Только Костя Шилов оставался безучастным, продолжал держать какие-то телевизионные аксессуары, пока Павлик готовился перейти на кухню.

Мы прошли на кухню, успели немного поснимать там. Огромные, точно обеденный стол, пышущие жаром плиты, на них котлы, в которых что-то бурлит, журчит, шипит и шкварчит, издавая при этом разного рода запахи. Огромные столы, заставленные разного рода кухонной техникой, кухонными комбайнами, хлебoreзками, овощерезками, мясорубками, миксерами. Возле них работали люди в белых халатах, сиреневых фартуках и с колпаками на головах. На нас, стоящих у входа, никто не обращал внимания.

Потрясенные и подавленные, смотрели мы на эту фабрику еды, не веря, что найдется столько человеческих ртов, чтобы съесть все, что приготовят здесь.

– Шеф-повар у нас в отпуске, – пояснил между тем вполголоса швейцар.

– Конечно, – вежливо отозвалась я. – Ведь теперь лето, июль.

– Не только в этом дело, – усмехнулся швейцар. – У нашего Виктора Вениаминовича сердце большое, он летнюю жару совершенно не переносит. На кухне постоянная жара и духота, он мучается, а когда еще и снаружи то же самое, это уже выше его сил. Поэтому, как в нашем городе начинается пекло, он уходит в отпуск, едет в спецсанаторий на севере, в Карелию.

– Да, в Карелии теперь прохладно, – вздохнула я.

– Конечно, – согласился швейцар. – Так что у нашего шеф-повара каждый год долгий отпуск получается. У нас так заведено: как жара спадает, мы ему звоним, и он возвращается.

– Ваш шеф, наверное, очень полный, – предположила я.

– Ага! – сказал швейцар. – Как бочонок. Но готовит обалденно. Жалко, что вы не попробуете его фирменных блюд. Заячья спинка с эстрагоном и овощами! М-м, это же шедевр!

– Значит, за это его и держат, – предположила я. – Позволяют отдыхать сколько ему хочется.

– Ну да! – согласился швейцар. – Жалко, конечно, что его нет, но ничего. У нас сейчас еще один шеф-повар, Вера Семеновна, из ресторана «Кристина» пригласили, она тоже хорошо готовит. Вон она, кстати сказать, в углу, опять со своей лазерной лампой что-то колдует.

Я посмотрела в указанном направлении, обнаружив в дальнем правом углу кухни шеф-повара. Это была еще молодая женщина, с мягкими приятными чертами лица, блондинка, если судить по выбивавшейся из-под колпака пряди волос, несколько полная. На ее рабочем месте и впрямь стоял какой-то странный электронный прибор, похожий на гибрид лампы с микроскопом, казавшийся нелепым рядом с находящимися там же во множестве тарелками, кастрюлями, миксерами... Видимо, почувствовав на себе мой внимательный взгляд, женщина обернулась и пристально посмотрела на нас.

– Да, вот она сейчас на нас смотрит, – сказал швейцар. Шум и грохот кухни позволял говорить о ней в третьем лице. – Тоже великолепный специалист. С фантазией. Видите, электронику какую-то использует. Правда, у нее лучше получаются супы и десерты. Вот, кстати, понесли овощной пирог с творогом. – Мимо нас пронесли поднос с какими-то тарелками. – Еще у нее есть фирменный рыбный суп со спаржей – вот объедение! Казалось бы, рыба...

– Так, Николай, что это за люди? – раздался вдруг позади нас строгий женский голос.

Оглянувшись, мы увидели миниатюрную женщину лет тридцати, брюнетку, с правильными строгими чертами лица, пышными, густыми черными волосами, собранными в узел на затылке. Одета она была в строгий черный костюм – пиджак, мини-юбка, настоящий костюм деловой женщины, в руках она держала темно-коричневую папку для бумаг.

– Итак? Почему вы провели посторонних к нам на кухню?

– Но, Надежда Алексеевна... – несмотря на убежденность в своей правоте, швейцар заметно смутился от строгого тона хозяйки. – Это вот Ирина Лебедева с телевидения. Вы же сами сказали, что они должны приехать, снимать репортаж.

На лице Андреевой появилось недоумение, она пристально вглядывалась в мое лицо с хорошо знакомой мне гримасой: «Где я ее видела?» Потом, словно вспомнив что-то, улыбнулась, смущенно кивнула:

– Ах да, простите, ради бога, совсем про вас забыла. Столько дел... Здравствуйте!

Она протянула мне руку. Мы обменялись осторожным женским рукопожатием.

– Честно говоря, закружилась я совсем сегодня. Тут у меня такое!..

Она кивнула головой куда-то позади себя, и мы увидели это «такое». Позади Надежды Андреевой колыхался, словно приплясывая на месте, пыхтел толстый мужчина. Он был еще молод, где-то лет тридцати пяти, с лицом очень пухлым, в ямочках, кудрявой головой, толстым брюхом. Одет был в рубашку с короткими рукавами, с серым в крапинку галстуком, черные, тщательно отглаженные брюки, перетягивающие его пухлый живот. Словом, типичный чиновник. На нас троих он смотрел сердито и даже как-то раздосадованно.

– Так! А почему у вас посторонние на кухне? – спросил он голосом достаточно хорошо поставленным – типичный чиновничий баритон. – И без белых халатов, прямо в уличной одежде, с какими-то сумками?

– Ох, ну, Дмитрий Сергеевич! – воскликнула хозяйка «Олененка». – Ну это же не я, это швейцар их сюда привел без моего разрешения.

– Без вашего разрешения ничего в ресторане происходить не должно! А если что-то и происходит, значит, у вас тут бардак!

– Но, Дмитрий Сергеевич...

– Нет, не возражайте мне! Если швейцар провел этих людей на кухню, значит, счел это возможным. Значит, был уверен, что с вашей стороны не последует никаких взысканий.

– Но мы же сами попросили его провести нас на кухню! – попробовала оправдать всех я. – Мы с телевидения и хотели снимать в ресторане, нам это нужно для передачи.

– А вы вообще молчите! Вы для меня... – Тут он осекся, замер с приоткрытым ртом и тупо вылупленными глазами, видимо, сообразив, что как раз нам-то, посторонним, никак не связанным с рестораном людям, хамить у него права нет.

Позади санитарного врача вежливо кашлянул один из официантов, молодой парень лет двадцати пяти, как и все, в белой рубашке, черных брюках, в крохотном, точно игрушечном, галстуке-бабочке под самым подбородком.

– Надежда Алексеевна, – сообщил он вполголоса. – Все готово, можно садиться за стол.

– Вот и замечательно! – обрадованно воскликнула хозяйка. – Пойдемте, Дмитрий Сергеевич! Мы для вас такой стол накрыли, закачаетесь! Вот только послушайте! Суп фасолевый с грибами и сметаной, крокеты из ветчины с рисом, печеный картофель с грибами и квашеной капустой, жаркое со спаржей и сыром-брынзой, спагетти в охотничьем соусе с рыбой и орехами, шашлыки, лечо из баранины с грибами и фасолью. На десерт яблочное пюре с инжиром, салат с фисташками и жареными ананасами, морковный салат, салат из зеленого горошка с кокосовой стружкой и сливками, крем-брюле с подогретым арманьяком...

Я чувствовала, как у меня начинает кружиться голова от всего этого перечисления. Краем глаза видела, как стоящий рядом со мной Павлик смотрит на миниатюрную хозяйку ресторана плотоядно и вот-вот выронит камеру – это была бы катастрофой. Даже Костя Шилов позади меня сдержанно вздохнул и проглотил слюну. Толстый санитарный врач ошалело смотрел на хозяйку ресторана.

– Не хочу, нет! – вдруг сказал он, и мы все открыли от изумления рты. – Я уже обедал сегодня.

– Но, Дмитрий Сергеевич! – воскликнула хозяйка ресторана в совершенном отчаянии. – Мы же для вас готовили! Что же, теперь все выбрасывать? Ну, пожалуйста!

– Но я не голоден!

– Ну и что? – наивно воскликнула Надежда Алексеевна. – Пойдемте, посмотрите, какой у нас стол! Только посмотрите! Насильно же есть вас никто не заставит, правильно?

– В самом деле, ревизор! – мрачно сказал стоящий рядом со мной Павлик. – Тебя женщина просит! А ты стоишь тут и выделяешься...

– Вас я попрошу помолчать! – гневно отреагировал тот.

Тем временем Надежда Алексеевна уже взяла санитарного врача за пухлую руку и потянула за собой. Он нехотя последовал за ней.

Работники ресторана, глядя им вслед, качали головами, сочувствуя своей хозяйке, которой приходится тратить столько сил на то, чтобы улажить всех этих ревизоров, инспекторов, санитарных врачей. Шеф-повар подошла ко мне, взяла меня за руку и тоже повела к столу, Павлик и Костя Шилов последовали за нами – в конце концов, мы тоже были гостями!

Мы оказались в небольшом, очень уютном банкетном зале в барочном стиле. Светло-желтые стены с массой лепных украшений и росписью, бронзовые светильники с вставленными в них лампочками в форме свеч, причем иллюзия, что это самые настоящие свечи, была совершеннейшей. Стол посередине был небольшой, точно семейный, не более десятка человек могли одновременно усестись за ним. Взглянув на этот стол, Павлик, совершенно забыв про свои обязанности оператора, застыл с открытым от изумления ртом. И мне пришлось толкнуть его локтем в бок, чтобы он пришел в себя.

– Ну же, Павлик, включай камеру! – сказала я ему. – Надеюсь, ты не собираешься снимать стол после того, как все будет съедено? Вид обьедаков телезрителям едва ли понравится.

Павлик ошалело посмотрел на меня, но, кажется, понял, чего от него хотят, послушно включил камеру и стал любоваться шикарным столом через видеоискатель.

– Ну, что скажете, Дмитрий Сергеевич? – спросила хозяйка ресторана, искренне радуясь произведенному впечатлению. – Соответствует наш стол санитарным нормам?

Однако санитарный врач, тоже с обалдевшим видом созерцавший стол, сказал:

– Я уже объяснил вам, что обедал сегодня. Мне вообще нельзя много есть, у меня больной желудок!

Мы снова так и ахнули. Вид у Надежды Андреевой был совершенно отчаявшийся, она чуть не плакала, а я недоумевала, что еще хочет этот человек, для чего выделяется? Ему приготовили великолепный стол, наверняка, когда он был с хозяйкой наедине, в его руки перешел конвертик с деньгами. Все как положено. Так чего же еще ему надо?

– Послушайте! – сказала я решительно, подходя к нему. – Так порядочные люди не поступают! Желудок, безусловно, надо беречь, я с вами согласна, но ведь никто не заставляет вас съесть все, что выставлено на столе! Попробуйте всего понемногу, ваш желудок наверняка выдержит. Нельзя же так заставлять женщину чуть ли не на коленях себя просить. Смотрите, Надежда Алексеевна чуть не плачет!

Санитарный врач взглянул на хозяйку ресторана, и – так мне показалось – действительно только теперь заметил, что перед ним женщина, которую он довел своей строгостью до слез. Он несколько смутился, пробормотал:

– Понимаю... Извините, но... Ей-богу, меня так плотно покормили перед визитом к вам, что теперь на еду даже смотреть не хочется.

– Да садитесь вы! – вдруг воскликнула я, всерьез рассердившись. – Садитесь! Хватит вам выламываться!

И я взяла толстого санитарного врача за руку, Надежда Алексеевна – за другую, и мы подвели толстого человека к столу, он покорно, устало подчинился. Уселись и все мы. Я села по правую руку от санитарного врача, рядом со мной, аккуратно перед тем сложив в углу телеаппаратуру, Павлик, возле него – Костя Шилов. Напротив расположились Надежда Андреева с шеф-поваром – они тоже собирались участвовать в застолье. Обслуживать нас остался единственный официант. Тот самый, который сообщил нам, что стол готов, а теперь объявил:

– Поскольку у нас не юбилейный банкет, а просто обед, начнем не с салатов, а сразу с первых блюд. Хорошо?

Санитарный врач, к которому был обращен вопрос, сухо кивнул, и официант поспешил из комнаты. Для начала он с торжественным видом внес внушительных размеров фарфоровую супницу и водрузил ее на середину стола. Открыл крышку, из супницы повалил пар, и по комнате разнесся тонкий аромат хорошо приготовленного блюда.

– Это рыбный суп с овощами! – объявил официант и стал разливать суп по тарелкам, стоявшим напротив каждого из нас.

При слове «рыбный» сидящий рядом со мной Павлик скривился. Признаться, я и сама не люблю запаха рыбы, и в таком шикарном ресторане рассчитывала на что-нибудь покруче, чем простая уха. Но, попробовав суп, изумилась. Ни следа дурного рыбного запаха – суп был просто обалденный. Краем глаза я заметила, как Павлик, соорудив брезгливую гримасу, осторожно пробует еду, и едва суп оказался у него во рту, выражение его лица изменилось, и он принялся жадно хлебать из стоящей перед ним тарелки. Первое понравилось и Косте Шилову, и даже санитарному врачу, который из вежливости хотел проглотить две ложки, но съел всю тарелку. Хозяйка ресторана и шеф-повар счастливо улыбались, радуясь успеху своей кухни.

За супом последовали крокеты с ветчиной. Затем печеный картофель с грибами и кислой капустой. За ними спагетти с рыбой и орехами. Все эти блюда приносились на небольших

тарелочках, которые официант раздавал не глядя, какая кому достанется. Санитарный врач при виде каждого блюда с досадой кривил губы, однако поедая все, что ему предлагали, с удивительной быстротой. У нас с Павликом и Костей на тарелках еще по половине, а он уже сидит перед пустым блюдом и смотрит сердито, точно недовольный тем, что его заставляют есть.

Затем последовали еще более основательные блюда. Наш водитель сразу заказал себе шашлык. Нас заверяли, что он очень мягкий, и Павлик не выдержал, тоже попросил шашлык. Я же выбрала лечо, а санитарному врачу по его просьбе принесли жаркое со спаржей и сыром-брынзой, которое он ел долго, тщательно и довольно омерзительно обглаживал каждую кость. Видимо, считал, что ему как представителю проверяющей организации все дозволено.

Наконец пришло время десерта. Мы были уже основательно разгорячены едой: Павлик украдкой смахивал капли пота со лба, санитарный врач рядом со мной пыхтел, поминутно вытирая шею платком.

– Не беспокойтесь, десерты у нас холодные! – произнесла с улыбкой шеф-повар.

– Я больше ничего не буду! – выдохнул санитарный врач. – Больше не хочу!

Лицо у шеф-повара вытянулось. Павлик рядом со мной сердито проворчал себе под нос:

– Опять выделяется мужик...

Десерт уже вносили.

Из всего многообразия блюд я выбрала себе яблочное пюре с инжиром и мороженое, Павлик с Костей Шиловым предпочли сбитые сливки с ананасами.

– Крем-брюле, Дмитрий Сергеевич, приготовлено специально для вас! – сказала шеф-повар. – Посмотрите, какое чудо! По немецкой технологии, пастеризуется при помощи специальной лазерной лампы, мы выписали ее из Германии. Обьединение!

Я с изумлением слушала ее слова. Для меня лазер был чем-то вроде гиперболоида инженера Гарина, страшным оружием, способным резать металл и крушить бетонные стены. И то, что с его помощью можно изготовить крем-брюле, было для меня открытием.

– Нет, не буду! – санитарный врач решительно отвернулся от десерта. – Это же чистое сливочное масло! А мне вообще его нельзя, у меня желудок больной, тем более сегодня...

– Но, Дмитрий Сергеевич! – на глаза Надежды Андреевой навернулись настоящие слезы. – Ведь мы специально для вас старались! Для вас одного, понимаете, больше ни для кого!

Но на санитарного врача, казалось, это сообщение не произвело ни малейшего впечатления. Он досадливо скривился, брезгливо зачерпнул крохотной чайной ложкой немного крем-брюле, с отвращением попробовал. И тут, как только что у Павлика, выражение его лица изменилось, и он стал жадно поедать десерт. Вскоре тарелка была пуста, и врач с недоумением огляделся вокруг, словно сожалея, что все так быстро кончилось.

– Во силен жрать мужик! – вполголоса проговорил Костя Шилов.

– И выделяться тоже, – поддакнул Павлик. – Как маленький: «Не хочу, не буду...»

Я двинула Павлика под столом ногой, он умолк. Павлик ошибался, думая, что может здесь болтать, что хочет. Конечно, нам санитарный врач был не указ, но, разозлившись, он мог выместить свою злобу на хозяйке ресторана, а было бы совсем неэтично заставлять расплачиваться за собственный злой язык других людей.

– Еще хотите? – умильно спросила шеф-повар у санитарного врача. – Пожалуйста, вот еще. Кушайте, кушайте. Это десерт специально для вас, – повторила она в который раз.

Пока санитарный врач уничтожал вторую порцию крем-брюле, а мы доедали каждый свой собственный десерт, хозяйка ресторана и шеф-повар смотрели на нас с добрыми, счастливыми улыбками, радуясь, что дело их рук доставляет людям удовольствие. Доев вторую порцию, санитарный врач резким движением отодвинул от себя тарелку и стал подниматься из-за стола.

– Все! – воскликнул он сердито. – Больше не могу! Вы уморите меня вашим обедом!
– Но, Дмитрий Сергеевич...

– Говорю же вам, меня сегодня уже накормили перед самым визитом к вам. Да так накормили, сдохнуть можно! Все жирное, масляное, а мне жирного нельзя!

Мы тоже поднялись, растерянные и разочарованные, что пришлось прервать трапезу. Не глядя на нас, санитарный врач направился было к выходу, навстречу возникшему в дверях официанту с очередным подносом. Но вдруг он охнул, болезненным движением схватился за свой внушительный живот. Официант смотрел на него испуганно и встревоженно. – Ох, черт! – проговорил санитарный врач, морщась. – Опять мутит...

– Стойте-ка! – вдруг воскликнул официант, наскоро пристраивая поднос на столе. – Я сейчас! Мигом! – и он стремительно скрылся за дверь.

Он вернулся меньше чем через полминуты, держа в руках винную бутылку с красочной этикеткой и большой стеклянный бокал.

– Вот! – сказал он, показывая бутылку санитарному врачу. – Когда желудок капризничает, нет ничего лучше, как угостить его старым французским бордо. Урожай 1988 года, между прочим! – заявил он с гордостью.

Санитарный врач ошалело посмотрел на него.

– Да вы что, рехнулись, молодой человек? – растерялся он. – Я же за рулем!

– Ну и что? – пожал плечами официант. – После такого обеда от бокала вина голова не закружится.

И он уже наливал вино в бокал, подавая его санитарному врачу. Вино было благородного красно-коричневого цвета и, налитое в бокал, выглядело так чудесно, что мне самой захотелось непременно его попробовать, несмотря на то, что алкоголь я употребляю крайне редко, по большим праздникам и с превеликим отвращением.

– Выпейте, конечно, – сказала хозяйка ресторана. – Вино способствует пищеварению.

Санитарный врач вздохнул и стал пить. И постепенно унылое выражение на его лице сменилось блаженным. Значит, вино и в самом деле было превосходным. Опорожнив бокал, он с воодушевлением посмотрел на бутылку. Видя это, официант приготовился было налить еще, но шеф-повар остановила его.

– Второй бокал будет уже лишним для человека за рулем! – сказала она, лукаво улыбаясь.

– Да, пожалуй, вы правы, – сказал санитарный врач, точно опомнившись. – Ну, мне пора. Спасибо за все...

Все вместе мы направились к выходу. На ходу врач, пыхтя и отдуваясь, говорил:

– Так, все у вас нормально, никаких серьезных нарушений нет. Не знаю, что это наше начальство на вас взялось, сверхплановые проверки вам устраивает...

Хозяйка ресторана и шеф-повар вежливо и внимательно слушали его.

– Отчет я потом составлю, – продолжал санитарный врач. – Я в свою записную книжку кое-какие пометки сделал, но не беспокойтесь, это мелочи. Как раз результаты лабораторного анализа придут... Ах, черт! – он вдруг остановился на полдороге и с размаху хлопнул себя по лбу. – Говорю об анализах в лаборатории, а пробы-то и не взял! Стойте, подождите меня здесь! – И, пыхтя как паровоз, толстый санитарный врач поспешил к выходу из ресторана.

Однако мы не стали ждать его возвращения и тоже последовали к выходу. Нам пора было возвращаться, и то, как санитарный врач берет пробы, снимать на видеокамеру было совершенно ни к чему. Оказавшись на пышущей жаром, ярко освещенной солнцем парковке, мы стали укладывать телеаппаратуру в нашу «Волгу», а врач тем временем полез в свой «Фольксваген», вытащил оттуда довольно обшарпанный на вид чемоданчик и, наскоро заперев машину, поспешил обратно в ресторан. А я за ним, велев ребятам прятать аппаратуру и возвращаться в ресторан: с хозяевами надо было попрощаться по-человечески.

Войдя в узкий коридор – швейцар ресторана опять куда-то исчез, – санитарный врач вдруг снова охнул, покачнулся и прислонился плечом к стене.

– Что, опять плохо? – участливо осведомилась я.

– Да, – проговорил он, морщась с досадой и тяжело дыша. – Это от еды. Как поем жирной пищи, мутит. Я сам врач, знаю, что надо диету соблюдать, да какая тут диета при этой работе!.. Вы же видели, как они ко мне пристали... Ешь, и все! И так каждый раз.

Он вытащил из кармана пиджака коробочку с лекарством, и я успела разглядеть исключительно латинский шрифт надписи на коробочке – значит, лекарство было импортным. Из коробочки извлек большую красную таблетку в глазированной оболочке, сунул ее в рот и, морщась, проглотил, грустно и устало вздохнув. Вид у него был такой несчастный, что говорить ему, что есть надо просто меньше, и тогда все будет нормально, мне показалось бестактным.

– А они, как нарочно! – продолжал он, кивая в сторону ресторана. – Жиры, сливочное масло. Все, что мне нельзя, они все туда понапихали!.. Одно это крем-брюле чего стоит! Для моего желудка это настоящий стрихнин! А отказаться нельзя, обижаются...

– Но вы могли бы съесть чуть-чуть, – осмелилась-таки вставить я. – И никого бы не обидели, ни хозяев ресторана, ни вашего желудка...

Санитарный врач грустно кивнул.

– Да, вы правы, – согласился он. – Я и сам это понимаю. Только ничего не могу поделать. Видите ли, я патологический обжора. Я не могу съесть чуть-чуть. Или совсем ничего, или – до тошноты...

Я смотрела на него скептически, на языке так и вертелась фраза Павлика: «Да брось выделываться, мужик!» Взглянув на меня, санитарный врач еще более грустно улыбнулся.

– Вы, конечно, мне не верите, – сказал он. – Но ей-богу! Начинаю есть, и будто дьявол во мне просыпается! И ем, пока не съем все. Или пока ложку из рук не вырвут.

Мы вернулись в уютный банкетный зал, где обедали. Хозяйка, шеф-повар и обслуживавший нас официант стояли там, где мы их оставили, и о чем-то беседовали. При нашем появлении они умолкли, Андреева спросила участливо:

– Ну, как ваше самочувствие, Дмитрий Сергеевич?

– Нормально, – ответил врач довольно сухо. Казалось, он не ждал сочувствия от людей, заставивших его столько съесть.

– Так... Позвольте, я возьму пробы блюд на анализ, – сказал он.

Он пристроил принесенный чемоданчик на одном из стульев, открыл его. Внутри оказался ряд странного вида широкогорлых пробирок, укрепленных в деревянном штативе. На каждой из пробирок был изображен черным фломастером какой-то иероглиф, и каждая была заткнута черной резиновой пробкой.

Санитарный врач одну за другой стал доставать из чемоданчика пробирки, специальной стеклянной лопаточкой зачерпывать понемногу из каждого блюда со стола и раскладывать по пробиркам. Таким образом были взяты на пробу и рыбный суп из фарфоровой супницы, и спагетти, и рисовые крокеты, и жаркое с сыром-брынзой, и лечо, и мое яблочное пюре, и взбитые сливки с ананасами. И немного крем-брюле, доставившего столько мучений санитарному врачу, он не забыл упаковать в пробирку. А затем, оглянувшись на стоящего рядом официанта, сказал:

– Вино, которым вы меня угощали, я тоже хотел бы взять на анализ.

– Ах, пожалуйста! – с готовностью отозвался официант. – Вот бутылка.

Санитарный врач натренированным движением перелил немного вина из бутылки прямо в пробирку, не уронив при этом ни капли. И я снова удивилась и восхитилась благородным красно-коричневым цветом напитка, заискрившегося в узкой стеклянной емкости пробирки.

– Ну так, пожалуй, все! – сказал санитарный врач, оглядывая стол. Он уложил пробы обратно в чемоданчик, закрыл его и, ни на кого не глядя, направился к выходу. Ресторанные работники, и я вместе с ними, поспешили следом.

Мы вышли на улицу, и жаркое послеполуденное солнце снова опалило нас своими лучами. Санитарный врач тяжело вздохнул, глядя в небо на дневное светило, – своего бессердечного мучителя. Мы все видели, как у врача на лбу заблестели капельки пота. Он подошел к своему «Фольксвагену», открыв ключом дверь, сунул внутрь салона чемоданчик с пробами, собираясь садиться. Вся наша компания стояла вокруг него, веселая и счастливая оттого, что это испытание закончилось благополучно. Несмотря на жару и палящие солнечные лучи, подошедшая хозяйка заведения продолжала говорить ему что-то радостно-благодарственное, но истекающий потом и изнывающий от жары санитарный врач, казалось, едва слушал ее. Вдруг я заметила, как к ресторану подъезжает еще одна машина и припарковывается у входа.

Это был синий «Рено», я без труда определила марку по ромбу на радиаторе.

Из «Рено» выбрался толстый мужчина. На вид ему было явно за пятьдесят, короткие и жесткие, аккуратно зачесанные волосы на довольно крупной голове были седыми, серого стального цвета, огромный директорский живот колыхался, пока он выбирался из машины. Но в отличие от пухлой, мягкой физиономии санитарного врача у вновь подъехавшего лицо было худощавое, со впалыми щеками и загорелой, точно выдубленной ветром и временем кожей, прорезанными на лбу глубокими бороздами морщин. Он осклабился в улыбку, глядя на нашу компанию, и я увидела, что зубы у него во рту редкие и кривые, а некоторые и вовсе в стальных коронках.

Санитарному врачу он кивнул как давнему знакомому.

– Ну что, все нормально? – спросил вновь подъехавший вполголоса, глядя на санитарного врача участливо и бережно беря его под локоть. Как мне показалось, в ответ тот смотрел со странной смесью начальственного чинопочитания и чисто человеческой неприязни.

– Да-да, Константин Георгиевич, – вежливо, но довольно сухо отозвался санитарный врач. – Осмотр ресторана произвел, никаких серьезных нарушений не обнаружил. Вот, взял пробы блюд на анализ.

Итак, сомнений более не оставалось: вновь прибывший был непосредственным начальником нашего санитарного врача.

– Так, это хорошо... А как твое самочувствие?

Санитарный врач скорчил болезненную гримасу.

– Пришлось опять эти таблетки пить, – сказал он. – Было очень худо...

– А теперь? Помогло?

– Да, спасибо, – санитарный врач снова поморщился. – Теперь вроде больше не мутит.

– Не мутит, да? Ну и хорошо. – Константин Георгиевич довольно засмеялся, даже потерял руки от удовольствия. Потом внезапно стал снова серьезным, словно нацепил на себя маску.

– Понимаешь, Дима, тут такое дело... – заговорил он печально, даже как-то скорбно.

– Что случилось? – Лицо врача напряглось, струйка пота потекла по щеке, закапала на рубашку.

– Ты только не пугайся, – сказал вновь приехавший. – И лучше сядь...

– Да куда ж я сяду? – воскликнул Дмитрий Сергеевич раздраженно. – На асфальт, что ли? Ну же! Говорите, не томите!

– Звонили из дома...

– С моей мамой что-нибудь?

– Да... – начальник санитарного врача печально кивнул. – Ты только не нервничай! Соседи «Скорую» ей вызвали, та приехала вовремя, все сделали...

– Что, опять сердечный приступ?

– Да, похоже, что так.

– И где она сейчас? – пухлые щеки врача задрожали. – Ну же, вы только не молчите!

– Ты, Димка, пожалуйста, успокойся! – начальник заметно встревожился. – Все с ней в порядке. Эскулапы говорят, приступ миновал, успели ее откачать. Впрочем, я не знаю точно...

– Она сейчас дома?

– Конечно, дома! В больницу ее не стали брать.

Санитарный врач нервно вздохнул, стал вытирать платком блестящие от пота лоб и лицо.

– Да что ж они мне сразу не позвонили-то? – воскликнул он нервно, вытащил из кармана мобильный телефон и стал было набирать какой-то номер, но начальник остановил его.

– Эх, вот это ты зря, – сказал он. – Мне сообщили, что твоей маме дали успокоительное и она только что уснула. А ты сейчас своим звонком только ее разбудишь.

– Да что ж они мне не позвонили-то? – с досадой повторил санитарный врач. – Могли бы сообщить сразу!

– Потому и не позвонили, – ответил начальник, – что знали: ты тут же разнервничаешься, все дела бросишь и помчишься домой.

– Да какие тут дела! Одно обжорство...

– Ну, что поделаешь, работа у нас такая! – начальник Дмитрия Сергеевича, однако, ухмыльнулся. – Твои соседи специально мне позвонили для того, чтобы я тебе лично это сказал, чтобы не по телефону, подготовил тебя, как мог... Уж извини, если не получилось!..

Санитарный врач стал нервно шарить по карманам, словно ища что-то. Вид у него был крайне взволнованный.

– Так, Константин Георгиевич! – сказал он решительно. – Мне сейчас нужно срочно домой. Я не могу оставлять маму одну в пустой квартире!

– А, ну ладно, поезжай! – сразу же согласился тот. – Пробы для анализа давай сюда, я их сам в лабораторию доставлю. Не беспокойся, все будет нормально. – И он удовлетворенно кивнул, засовывая чемоданчик с пробирками в салон своей машины. – Осторожнее на дороге, слышь, Димка? – крикнул он садящемуся за руль санитарному врачу. – Ты ведь, знаю, помчишься, как сумасшедший.

Так и оказалось. «Фольксваген» вдруг взревел мотором, сорвался с места и стремительно помчался по узкой ухабистой улочке, в конце которой маячил, мигая тремя своими огнями, светофор, обозначая перекресток. То, что произошло дальше, в тот момент показалось нам совершенно необъяснимым и непостижимым. Глядя вслед машине, мы ожидали, что она притормозит перед светофором, тем более что как раз загорелся красный свет, и справа выворачивал огромный грузовик «КамАЗ». Но красный «Фольксваген» продолжал ехать с прежней скоростью, только протяжно засигналил встречному грузовику.

Мне подумалось, что Дмитрий Сергеевич, спеша к своей больной матери, хочет, чтобы его пропустили, невзирая на то, что для водителя «КамАЗа» это при всем желании невозможно. Видя стремительно приближающийся «Фольксваген», тот в свою очередь яростно засигналил и резко затормозил. Но толку от этого не было никакого: машина санитарного врача на полной скорости врезалась прямо в два огромных колеса «КамАЗа». Оглушительный звук, казалось, потряс небо и землю.

На мгновение мы все точно окаменели. Потом, плохо понимая, что именно происходит, будто наблюдая события со стороны, я чувствовала, как ноги сами несут меня к месту дорожно-транспортного происшествия, видела, как спортивный Костя Шилов уже далеко впереди меня, как ленивый Павлик, пыхтя и отдуваясь, не отстает от него. Видела, как яростно и безуспешно дергает Костя переднюю заклинившую дверь, как Павлик открывает заднюю и они оба лезут внутрь покореженной машины, торопясь извлечь из нее тело водителя. Лицо санитарного врача было залито кровью, от вида ее у меня ноги сделались ватными, и я оперлась на руку подошедшего Константина Георгиевича.

Однако, к нашему удивлению, лицо Дмитрия Сергеевича было совершенно спокойно, глаза мирно закрыты, будто он не видел и не предполагал приближения страшной опасности. Мне подумалось, что он просто ранен. Но повидавший виды, прошедший Афганистан Костя, склонившись над распростертым телом, покачал головой и, распрямляясь, сказал: – Он мертв, Ирина Анатольевна. Причем у меня такое ощущение, что сознание он потерял еще до самого столкновения...

И я почувствовала, как от ужаса все внутри меня холодеет и подкашиваются ноги.

Кажется, именно Константин Георгиевич по мобильнику вызвал «Скорую» и инспектора ГИБДД. Водитель «КамАЗа», пожилой худощавый мужчина, с сокрушенным видом ходил вокруг и, заглядывая каждому из нас в глаза, говорил, что он же на зеленый ехал и скорость была небольшая, но на него никто не обращал внимания.

Тот же Константин Георгиевич предложил разойтись всем посторонним, которых вдруг оказалось очень много, поскольку все работники ресторана, включая швейцара Николая, побросав свои дела, выбежали на улицу смотреть, что случилось с санитарным врачом, которого они только что кормили обедом. В качестве свидетелей, заявил Константин Георгиевич, достаточно присутствия его и Кости Шилова. Особенно женщинам нечего на всю эту кровищу смотреть. Я подумала, что он, пожалуй, прав, и вместе с Надеждой Андреевой и шеф-поваром мы отправились обратно в ресторан. Павлик следовал за нами. И только по пути к ресторану я поняла, что мое легкое летнее платье насквозь мокро от пота, хоть снимай да вешай сушить.

Оказавшись в здании, мы прошли в рабочий кабинет хозяйки «Олененка». Его окна выходили в небольшой тенистый дворик, там работал кондиционер, так что кабинет предложил нам островок приятной прохлады, что оказалось чрезвычайно кстати. Непонятно, как это до сих пор у меня не случилось теплового удара. Мы все не расселись, а буквально плюхнулись на мягкие диваны, машинально стали пить предложенные нам прохладительные напитки, почти не замечая их вкуса.

– Боже мой, какой кошмар! – проговорила наконец Надежда Алексеевна. – Как это страшно, только что был человек – и его уже нет...

Я рассеянно кивнула. Хотя шок от случившегося по-прежнему был велик, инстинкт разумного эгоизма и самосохранения уже работал, и я всерьез задумалась, как случившееся повлияет на меня. «А вред тут может быть немалый, – вдруг поняла я. – Что, если из-за потрясения вследствие гибели санитарного врача Андреева возьмет да и откажется участвовать вечером в программе? Где я теперь, за несколько часов до эфира, буду искать ей замену?» Поэтому я напряженно стала всматриваться в удрученные лица хозяйки ресторана и сидящей рядом с ней шеф-повара, пытаюсь понять, насколько справедливы эти мои опасения.

– Что-то странно как-то все это выглядит, – заговорил вдруг Павлик. – Он же вроде не сильно долбанулся, почему же сразу насмерть?

Обе женщины посмотрели на него с ужасом.

– Павлик! – сказала я с упреком. – Не надо сейчас об этом!

– Нет-нет! – вдруг запротестовала шеф-повар. – Мне кажется, он прав, и произошедшее действительно выглядит очень странным. Я сама вожу машину и разбираюсь немного в этом. Столкновение и правда было слишком слабым, чтобы человек мог так пострадать!

– Полагаю, всем этим займется милиция, – сказала я. – Не наше с вами дело над этим голову ломать. Нам следует подумать о сегодняшнем вечере.

Тут Надежда Андреева недоумевающе посмотрела на меня, потом вдруг всплеснула руками, вспомнив про вечерний эфир.

– О господи, я ж совсем забыла, для чего вы пришли! – воскликнула она.

Я вся напряглась, подумав, что вот сейчас и последуют отговорки. Нет, мол, в таком состоянии я сейчас не могу, давайте перенесем на следующий раз, и все в таком роде. А я должна буду объяснять, что на следующий раз запланирована другая героиня программы.

– Ирина, – спросила Надежда Андреева, – а во сколько я должна появиться в телестудии?

– В пять вечера, – отвечала я.

– Ну вот и отлично, – улыбнулась хозяйка ресторана. – Я вполне успеваю и домой зайти, и переодеться, и даже отдохнуть немного.

– Хочешь, я отвезу тебя? – спросила шеф-повар хозяйку «Олененка».

– Да? А здесь кто останется? – Андреева улыбнулась. – Надеюсь, ты не посоветуешь мне закрыться на сегодня? Что бы вокруг ни происходило, наш ресторан должен работать!

– Надежда Алексеевна! – сказала я как можно настойчивее. – Правильно ли я вас поняла? Можем ли мы рассчитывать на вас в нашей сегодняшней программе? Поверьте, это для меня не пустой вопрос!

– Да-да, конечно! – кивнула хозяйка ресторана. – Тут умирать будешь, а на телевидение пойдешь. Вы не представляете, насколько участие в вашей программе для нас важно.

Я с облегчением вздохнула. При таком твердом обещании за программу можно быть спокойной. Поэтому мы с Павликом не стали терять времени и поспешили к выходу, к нашей машине. Костя Шилов уже ждал нас. Зная, что нам придется ехать, он не стал записываться в свидетели для ГИБДД. Не без внутреннего содрогания смотрела я в сторону двух столкнувшихся на перекрестке машин. Тело санитарного врача лежало на асфальте, чем-то накрытое, машина из морга, которая должна была увезти его, еще не прибыла на место.

Глава 2

Так получилось, что программа «Женское счастье» в тот вечер немного смахивала на курсы для домохозяек в кулинарном техникуме. Наверное, тема приготовления разного рода деликатесов для нас, женщин, чрезвычайно важна и животрепещуща. Наверное, готовить для каждой женщины не только повседневная, в той или иной степени приятная обязанность, но еще и точка приложения своих творческих сил, фантазии и вдохновения. Участниц телепередачи ничуть не интересовали проблемы ресторанного бизнеса, печальные рассказы о необходимости сводить концы с концами, готовить великолепные блюда из продуктов не всегда первоклассных, обороняться от поборов разного рода проверяющих организаций.

Собравшиеся в телестудии дамы вежливо, но равнодушно выслушали довольно робкие и сбивчивые рассказы Надежды Андреевой на эту тему, и первый же вопрос, который прозвучал в тот вечер, начинался словами: «Скажите, а как вы готовите...» Моя программа, таким образом, превратилась в обмен рецептами блюд.

Я думаю, Кошелев, наш шеф, пришел бы в ужас от такой телепередачи, но он, по счастью, ее не видел. В ту пятницу вечером он укатил на все выходные куда-то за город, на берег Волги, потому что, как он выразился, жара его уже достала, и хотелось бы от нее отдохнуть, а заодно и от телевидения, от бесконечных проблем, которые ему как заведенному приходится решать. Итак, Кошелева в студии в тот вечер не было. И как нам с этим повезло, я начала догадываться, когда уже по окончании программы осталась наедине с Надеждой Андреевой в студии, казавшейся полутемной, после того как выключили слепящий телевизионный свет.

Сердце мое противно екнуло, когда в толпе расходившихся после эфира женщин я разглядела синий милицейский мундир, как выяснилось, принадлежащий не кому-нибудь, а нашему старому знакомому майору Белоглазову. Рядом с майором стоял Валерий Гурьев, наш криминальный репортер, и тут у меня еще тоскливее засосало под ложечкой, ибо я знала, что визит этих людей вместе ничего хорошего нам не обещает. Когда студия наконец окончательно опустела, двое мужчин неспешным шагом направились к нам.

– Извини, Ирина, – проговорил Валера, едва приблизившись ко мне. Вид у него был напряженный и очень серьезный, так что у меня не оставалось сомнений: опять что-то случилось в нашей будто притягивающей несчастья программе. – Хотел я тебя предупредить, чтобы ты не пускала Андрееву в эфир, а вместо этого показала бы что-нибудь старое, да не успел. Но я опоздал, и, когда позвонил, мне сказали, что передача уже началась.

Я смотрела на него, приоткрыв от изумления рот. Отменить эфир, показать что-нибудь старое, в то время как восемьдесят пять человек, заплативших хорошие деньги за право попасть на студию, ждут исполнения своей заветной мечты хоть раз оказаться на теле-экране... Или Валера Гурьев перегрелся на солнце?

– Где мы можем побеседовать с гражданкой Андреевой Надеждой Алексеевной? – тон майора Белоглазова был, как всегда, образцово сухим и официальным.

– Да где угодно! – Я пожала плечами, кивнув на студийный столик и стулья.

Недолго думая, майор уселся на один из них, вытащил из кожаной папки лист бумаги, ручку и кивком головы предложил сесть напротив себя ничего не понимающей хозяйке ресторана «Олененок». Та послушно опустилась на жесткий студийный стул. Мы все, включая оставившего камеры Павлика и подошедшего откуда-то Костю Шилова, застыли вокруг в напряженных позах, ожидая, что теперь будет.

– Гражданка Андреева Надежда Алексеевна, так? – начал майор.

Спрошенная подтвердила.

– Проживаете: улица Брянская, дом 65, квартира 24, верно?

Снова едва слышное, но твердое «да».

– Вы являетесь владелицей ресторана «Олененок»?

– Да, конечно.

Майор, удовлетворенно кивнув, стал записывать эти сведения на лист бумаги.

– Знакомы ли вы с Дмитрием Сергеевичем Верейским, санитарным врачом городской санэпидстанции?

При упоминании этого имени я вздрогнула, и Надежда Андреева тоже немного побледнела.

– Разумеется!..

– Когда последний раз вы виделись с ним? – Майор смотрел на Надежду Алексеевну пристально, не отрываясь.

– Сегодня днем он инспектировал мой ресторан.

– В котором часу он от вас уехал?

– Не помню, – Надежда Андреева нервно вздохнула. – Часа в два или три.

Майор сделал небольшую паузу, прежде чем задать следующий вопрос:

– Во время его нахождения в вашем ресторане употреблял ли он какое-нибудь из имеющихся там блюд?

– Разумеется! – Казалось, хозяйка ресторана удивлена тупости вопроса. – Мы его накормили обедом, все, как положено. Надеюсь, вы не собираетесь квалифицировать этот обед как дачу взятки?

Милиционер некоторое время смотрел на Андрееву пристально и серьезно, словно не слыша иронии в ее словах.

– Были ли в числе съеденных Верейским блюд, – тут он вытащил из кожаной папки еще один лист, стал читать по нему, – рыбный суп с овощами, спагетти с рыбой и орехами, рисовые крокеты с ветчиной, жаркое со спаржей и сыром-брынзой, лечо с грибами, крем-брюле с арманьяком, сбитые сливки с ананасами?..

Майор остановился, вопросительно уставившись на хозяйку ресторана.

– Конечно! – невозмутимо отвечала она. – Все это он ел.

Майор Белоглазов снова как-то странно, пристально посмотрел на нее, потом удовлетворенно кивнул и, не говоря ни слова, принялся писать что-то все на том же листе бумаги.

Мы все в это время стояли в напряженных позах вокруг него в нетерпеливом ожидании объяснений, что бы все это значило. Я не раз поднимала вопросительный взор на Валеру Гурьева, который, по-видимому, был в курсе происходящего. Но он только показывал глазами на склонившегося над листом бумаги майора, давая понять, что тот сам все объяснит. Я злилась на Валерину бессердечность, но поделать ничего не могла.

А майор, закончив рисовать буковки в одной бумаге, принялся делать то же самое в другой и третьей, будто издевался над нами. Наконец кончив свою писарскую работу, он протянул одну бумагу Надежде Андреевой, другую – мне, третью – Валере Гурьеву и сказал:

– Вот, ознакомьтесь и подпишите.

В моем протоколе в замысловатых милицейских выражениях было изложено содержание предыдущего диалога, и от моего имени удостоверялось, что я его слышала и подтверждаю изложенные в нем факты. Недоумевая, зачем все это нужно, я подписала протокол. Вместе со мной то же самое сделали Надежда Андреева и Валерий Гурьев. Майор с удовлетворенным видом принял от нас бумаги, аккуратно сложил их в свою кожаную папку и только после этого торжественно объявил:

– Гражданка Андреева Надежда Алексеевна! На основании имеющихся у следствия улик, подтверждаемых и вашими собственными показаниями, вы арестованы по подозрению в преднамеренном убийстве Верейского Дмитрия Сергеевича, санитарного врача городской санэпидстанции.

И пока мы все, ошарашенные словами майора, стояли, точно пригвожденные к месту, Белоглазов взял хозяйку ресторана за локоть и медленно повел ее к выходу из студии. Надежда Андреева молча и безропотно подчинилась. Прошло некоторое время, прежде чем мы, опомнившись, бросились за ней следом. А что, собственно, могли мы теперь сделать?

Майор Белоглазов преспокойно вывел Надежду Андрееву во двор телецентра и усадил в стоявшую там милицейскую «Волгу» – хорошо хоть не в «воронок» с зарешеченными окнами, на котором перевозят матерых преступников. Потом «Волга» преспокойно выехала за ворота телецентра и скрылась за поворотом, а мы так и остались стоять, где стояли, потрясенные, растерянные, расстроенные.

– Пойдем, присядем, Ирина, – услышала я рядом с собой голос Валеры Гурьева. – Что теперь здесь, у ворот, стоять.

Я послушалась, и мы вчетвером уселись на лавочку в нашем крохотном, но очень ухоженном скверике во дворе телецентра.

Жаркий июльский день погас, на улице сгущались сумерки. Ослепительное солнце-мучитель скрылось за горой, небо на этом месте оставалось светло-голубым с редкими золотисто-розовыми облачками; с противоположной же стороны небесная лазурь приобретала поминутно все более густеющий темно-фиолетовый оттенок. Дул ласковый теплый ветерок, сидеть на лавочке в скверике было удивительно хорошо и приятно, несмотря на терзающую душу печаль по поводу происшедшего.

– У меня в голове не укладывается, – сказала я наконец. – Надежда Андреева – убийца! Они это что, серьезно?

– Абсолютно серьезно! – подтвердил Гурьев. – Понимаешь, у милиции настолько серьезные и неопровержимые улики, что майор просто не мог поступить иначе, как сразу же арестовать хозяйку ресторана. Тем более что она, как дура, сразу во всем призналась и рассказала именно то, что следствию было нужно.

Я изумленно смотрела на Гурского. Циничный тон его реплики сильно смутил меня.

– Подожди, Валера, я что-то ничего не пойму, – сказала я. – Почему это Надежда Андреева созналась, как дура? В чем, собственно, она созналась?

– Фактически в убийстве Верейского, – ответил Валерий. – И майор не преувеличивает. На основании улик и ее показаний твоя Надежда Андреева уже, считай, осуждена, так что ни один адвокат ее теперь из тюрьмы не вытащит.

– Да уж, Ирина, – саркастически проговорил Павлик, – везет тебе. Вечно на твоей программе что-нибудь случается!

– Вот я и говорю! – поддержал его Валера Гурьев. – Я совсем немного не успел, опоздал тебе позвонить, предупредить, чтобы ты отказалась от эфира с Андреевой. Тогда бы для тебя все сейчас было просто и понятно. И что хозяйка ресторана в тюрьме, нам никакого дела нет. А теперь получается, что ты, Ирина, матерую преступницу в своей программе показала, да еще как раз в день совершения ею страшного преступления.

Я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, и, хотя вечер был приятно теплый, меня всю затрясло, точно в лихорадке. Боже мой, опять влипла! Что за злой рок преследует мою программу? Вечно, чуть ли не каждый раз происходит на ней какое-нибудь криминальное ЧП, и мне приходится отмазываться от обвинений в связях с преступным миром. Господи, да что же это за проклятие на мне такое!

– Ирина, ты только не паникуй и не сходи с ума! – успокаивал Валера Гурьев, внимательно наблюдавший за выражением моего лица. – Сделанного не воротишь, программа уже прошла в эфир, ее не вернешь. Славно, что Кошелева сегодня нет, у нас до понедельника есть целых два дня для восстановления нервного тонуса после происшедшего. А вернется Кошелев, мы найдем, что ему сказать. Отмажемся, Ирина! – обнадеживающе восклицал Валерий. – Не в первый раз!

Но я, не реагируя на заверения Гурьева, сидела на лавочке, понутив голову и глубоко задумавшись. Что-то во всем этом, рассказанном Валерой, меня никоим образом не устраивало.

– Все равно, – сказала я, – не могу поверить, что Надежда Андреева убийца. Валера, ты говоришь, у милиции есть какие-то неопровержимые улики. Ты знаешь точно, что это за улики?

– Прежде всего было сделано вскрытие, – начал Валера, – которое показало наличие в крови Верейского сильнодействующего яда, что, несомненно, и послужило причиной смерти.

– Яда! – ахнула я. – Тогда все понятно. Помнишь, Павлик, ты говорил, что столкновение было слишком слабым, чтобы от него умереть?

– Конечно, – кивнул оператор. – И мне тогда показалось, что это не простое ДТП.

– Постойте-постойте! – Валера Гурьев смотрел на нас с нескрываемым удивлением. – А вы откуда знаете про ДТП?

– То есть как это откуда? Мы все трое его своими глазами видели!

– Вы все трое? – Валера ошарашенно смотрел на нас. – Вы видели, как разбился Верейский? Ну ни хрена себе! Тебе, Ирина, действительно везет на несчастья!

– Ладно, может быть, – поспешила согласиться я. – Давай рассказывай дальше. Что это был за яд?

– А хрен его знает! – Гурьев пожал плечами. – Мне называли его, но я не запомнил. Там какая-то химическая чертовщина, три-хлор-метил-этил... Мозги на этом вывихнешь.

– Так, понятно, – я кивнула, хотя по-прежнему ничего не понимала. – А при чем же здесь Надежда Андреева? Арестовывали бы того, кто подсыпал ему этот яд, а не хозяйку ресторана!

– Так в том-то и дело, что в милиции думают, будто это она и подсыпала яд, – сказал Валера Гурьев тоном воспитателя детсада, объясняющего маленькой девочке элементарные вещи. – Подсыпала во время обеда, которым кормили санитарного врача после осмотра им ресторана.

– Однако! – возмутилась я в ответ. – Наши правоохранительные органы не любят слишком долго искать подозреваемых.

Но Валера, казалось, не уловил моей иронии.

– Понимаешь, Ирина, – сказал он грустно. – Улики против Надежды Андреевой у милиции неоспоримые. Я выяснил совершенно точно, что в тех пробах, что брал Верейский и доставил в лабораторию его начальник, анализ обнаружил вот этот самый яд, три-метил-хрен знает что, который был найден в теле Верейского судмедэкспертизой. Так что теперь милиция Надежду Андрееву ни за что не отпустит, ни под залог, ни под подписку о невыезде. Улика против нее классическая, как в учебнике по криминалистике.

Я продолжала молча таращить глаза на Валеру, не зная, верить ли мне своим ушам.

– А у милиции было вообще очень мало проблем с раскрытием этого преступления, – продолжал между тем Валера. – Примерно через полтора часа после того, как произошло это ДТП, где погиб Верейский, в милицию позвонил некто по телефону доверия. Солидный мужской голос, начальственные интонации... Сообщил три вещи: во-первых, в теле Верейского надо искать вот этот самый три-хрен-метил, во-вторых, что санитарный врач обедал в ресторане «Олененок», а в-третьих, предложил непременно позвонить на городскую санэпидстанцию, где покойный работал, и затребовать результаты анализов проб, доставленных из ресторана «Олененок». Милиция сделала все, как ей посоветовали, и действительно, в пробах из ресторана обнаружили тот же самый яд, что и в теле санитарного врача.

– То есть как это яд в пробах? – проговорил ошалело Павлик. – Мы же все, чем угощали врача, ели вместе с ним!

– Что ели? – непонимающе спросил Валерий Гурьев.

– Обед этот мы ели! Вместе с санитарным врачом! Он еще выламывался, как придурок, ничего не хотел в рот брать, а его уговаривали. Если его отравили чем-то с этого обеда, почему ничего не случилось с нами?

Тут мы все замерли с открытым ртом, и меня, как и остальных, вдруг начало мутить, словно у всех нас начались симптомы отравления.

– Черт бы побрал эти рестораны! – процедил сквозь зубы Павлик. Вид у него был совершенно зеленый, казалось, еще немного, и его стошнит. – Приходишь туда, платишь за обед сумасшедшие деньги, а тебя или накормят какой-нибудь дрянью или вовсе отравят!

Прошло некоторое время, прежде чем мы сообразили, что если до сих пор нам не стало плохо, значит, мы и не отравились вовсе, и эта беда, похоже, нас миновала.

– Ах да, – сказал Валера. – Ты же, Ирина, перед эфиром наверняка побывала в «Оленке», и там, конечно, тебя покормили.

– Именно! – сказала я. – И не только меня, но и Павлика, и Костю Шилова. И мы сидели за одним столом с Верейским и ели то же самое, что и он. Однако с нами, как видишь, все в порядке. Как же тогда получилось, что санитарный врач отравился, а в пробах блюд обнаружен яд?

– Да, ничего себе вопросик! – Гурьев задумчиво поглядел на синее вечернее небо. – Настоящий детективчик получается, распутывать которые ты так любишь, Ирина.

Мы помолчали. Подозреваю, что ребята чувствовали такую же растерянность, как и я сама.

– Ну, допустим, – сказал вдруг молчавший до сих пор Костя Шилов, – отравить его могли при помощи блюда, которое он ел один, но к которому не притронулись остальные.

– А что, были такие блюда? – Валера Гурьев насторожился. – И вы можете вспомнить, какие именно?

Тут мы немного растерялись, вопросительно посмотрели друг на друга. Вдруг Павлик хлопнул себя ладонью по лбу:

– Вспомнил! Крем-брюле он один ел! А эти две ресторанные дамы все приговаривали: «Кушайте, это специально для вас».

От этих слов Павлика у меня, признаться, похолодело в груди. Потому что я вспомнила, что именно так оно и было и у хозяйки ресторана была замечательная возможность накормить ядом санитарного врача.

– Ну вот видите! – сказал Валера удовлетворенно. – Все сходится, и милиция не так уж не права. Андреева подсыпала яд в блюдо, которое было предназначено специально для санитарного врача, и я уверен, что если бы вы даже попросили отведать того крем-брюле, вам под каким-нибудь очень вежливым предлогом отказали бы.

– Они нас как подставу использовали, – мрачно сказал Павлик. – Мол, раз мы вместе с санитарным врачом за одним столом сидели, значит, обед нормальный, и никакого яда в нем нет. Они же знали, что мы приедем, и соответственно подготовились.

Я задумчиво посмотрела на Павлика. Что-то в его умозаключении меня не устраивало.

– Они знали, что мы приедем, – сказала я, – но они не знали, что приедет санитарный врач. Проверка была внештатная и без предупреждения. Так они, во всяком случае, сами утверждают.

– Может, врут? – предположил Павлик. – Такое вранье было бы им очень на пользу.

– Надо будет проверить это на санэпидстанции, – сказал Валера. – Там-то уж точно врать не будут.

– А может быть, отравила не Надежда Андреева, а шеф-повар? – вдруг сказал Костя Шилов. – Ведь крем-брюле делала именно она, это по ее части.

– Это еще ничего не доказывает, – возразил Гурьев. – И не снимает подозрений с хозяйки ресторана. Шеф-повар ее подчиненная, могла быть в сговоре с хозяйкой и действовать по ее указанию.

– Но она могла сделать это и сама, по своей инициативе, – сказала я. – Вот чего никак не могло быть, так это чтобы Надежда Андреева могла подсыпать яд так, чтобы никто из поваров этого не заметил. Кухня у них не настолько велика, и в ней всегда куча народу.

– Подсыпала, когда крем-брюле был уже готов! – упрямо настаивал на своем Валера.

– Исключено! Готовый крем-брюле покрыт глазурью, туда ничего не подсыпешь.

– Ну, может быть, – нехотя согласился Валера. – Только это опять же означает сговор между хозяйкой и ее шеф-поваром. Что, кстати сказать, выглядит даже естественней. Свой человек, общая для обоих проблема содержать ресторан... Наверняка они вместе это преступление задумали и вместе его осуществили.

– Хорошо, но шеф-повар не был своим человеком в ресторане, – возразила я упрямо. – В тот день в ресторане был другой, приглашенный шеф-повар из ресторана «Кристина».

– Серьезно? – Валера Гурьев снова напрягся. – Ирина, дорогая, что же ты молчала о такой важной детали?

– Конечно! – воскликнул Павлик, которого вдруг осенило. – Ведь если шеф-повар в тот день был приглашенный, он мог отравить Верейского по чьему-нибудь заказу, а Надежду Андрееву использовать как подставу.

– Знаете, кто еще мог отравить санитарного врача? – сказала я. – Официант, который накрывал на стол. Когда Верейскому стало плохо с животом, он принес ему бокал вина, и Верейский его выпил. В этом вине вполне мог оказаться яд.

– Да! – подхватил мою идею Павлик. – И этот официант вполне мог действовать по указанию своих хозяев.

Вывод Павлика очень не понравился мне. Валера Гурьев тем временем задумчиво смотрел на нас.

– А официант мог знать, что у Верейского заболит живот и ему захочется выпить вина?

– Ну, он мог не знать, но предполагать что-нибудь в таком роде... – отвечала я не очень уверенно. Возражение Валеры казалось мне очень веским.

– Слушайте, мы так и будем теряться в догадках, пока не определим мотивы убийства! – сказал Костя Шилов. – Это же золотое правило криминалистики: во всяком убийстве прежде всего искать мотивы, заинтересованных лиц, затем проверять их алиби на момент преступления.

– Замечательное правило! – отозвался несколько раздраженно Валерий Гурьев. – Может быть, ты знаешь, где искать эти мотивы?

– У знакомых Верейского, – Костя пожал плечами. – Насколько я знаю, поиски убийцы всегда начинают с бесед с родными и близкими жертвы.

– Хорошо бы еще до них добраться! – проворчал недовольно Валера Гурьев, и я вдруг поняла, насколько он прав. Мы ведь не следователи уголовного розыска и не можем отправиться домой к Верейскому, начать там задавать вопросы убитым горем родным. У нас должен быть какой-то обходной путь, и этот путь надо еще придумать.

– Вот что, ребята! – сказала я решительно. – Костя, конечно, прав, нам придется беседовать с родными санитарного врача. Но сейчас нам до них все равно не добраться, так что мы должны предпринять кое-что другое.

– Да? И что же? – Валера смотрел на меня с кривой усмешкой на губах.

– Надо вернуться в ресторан Надежды Андреевой и побеседовать там с оставшимися работниками. Не очень-то я верю, что мы многое там узнаем, но поехать туда мы все равно должны! Так, который теперь час?

Я глянула на свои часы, но они показывали двадцать пять минут седьмого, чего быть никак не могло. В половине седьмого только началась наша передача. Я поднесла часы к уху. Так и есть, они стояли, ничего похожего на тиканье не доносилось из блестящего позолоченного корпуса.

– Двадцать минут одиннадцатого, – отозвался Валера Гурьев, без лишних вопросов понявший смысл моих манипуляций. – Поздно уже.

– Для ресторана еще нет, – возразила я. – Костя, ты не мог бы сейчас отвезти нас в ресторан Надежды Андреевой? Нам сегодня непременно нужно побывать там.

– Ресторан, наверное, закрыт и опечатан милицией, – заметил Гурьев.

– Наверное, – согласилась я. – А может быть, и нет. Но съездить и посмотреть – неужели это так трудно? Я сегодня все равно не смогу уснуть из-за всего происшедшего. Костя, ну, пожалуйста!

Глава 3

Ресторан не был ни закрыт, ни опечатан милицией, он работал в обычном режиме. Окна, когда мы подъехали, светились разноцветными огнями, из его нутра доносилась негромкая музыка, а на парковке, днем почти пустой, теперь выстроились в ряд дорогие автомашины, так что Костя едва нашел место, чтобы пристроить нашу «Волгу». По унылой физиономии швейцара Николая нетрудно было догадаться, что он уже в курсе всего случившегося.

– Кошмар, что делается! – сказал он, кивая нам как старым знакомым. – Наша хозяйка – убийца! Эти менты вообще очумели!

– А что, ресторан работает в обычном режиме? – поинтересовалась я. – Закрывать его после случившегося не собираются?

– Завтра придут закрывать, – отозвался уныло Николай. – Нас всех отправляют в принудительный отпуск за свой счет.

– А почему завтра?

– Почему-почему, – швейцар выглядел немного раздосадованным моими вопросами. – Милиция его закрыть не может, это же не место происшествия, верно? Закрывать придут с санэпидстанции. Но для этого нужно постановление главного санитарного врача города, оно будет только завтра.

– Понятно, – сказала я. Не в первый раз я сталкивалась с проявлением неповоротливости бюрократической машины и уже разучилась удивляться этому. – Скажите, а нам сейчас можно войти внутрь? Нам не столько покушать, сколько надо бы поговорить с работниками.

– Поговорить? – лицо швейцара сделалось недоверчивым. – Не знаю, не знаю... Сейчас у всех и так эта история на уме, Вера Семеновна и вовсе в шоке. Не уверен, что она согласится с вами беседовать.

Я почувствовала, что швейцар попросту не хочет пускать нас в ресторан, узнав, что мы пришли задавать вопросы. В тот момент я очень пожалела о своей откровенности, да было уже поздно.

Видя мою растерянность, на выручку пришел Костя Шилов.

– Слушай, командир! – сказал он решительным тоном. – Ты скажи, ресторан сейчас переполнен?

– Да нет, – отозвался швейцар. – Теперь лето, жара, а в жару у нас никогда много народу не бывает.

– Ну так мы пройдем, посидим за столиком, ладно? Ты не бойсь, мы здесь никому вреда не причиним.

Казалось, швейцар не очень верил этому, однако напористость Кости сработала, и Николай пропустил нас в ресторан.

Оказалось неправдой, что там было мало народу: приглядевшись, мы обнаружили только два или три свободных столика. Подошедший к нам незнакомый официант усадил нас за один из них и вежливо склонился, ожидая заказа. Пока Павлик разглядывал меню, поминутно глотая слюну, я спросила:

– Скажите, а официант... такой молодой, с галстуком-бабочкой, он что, уже ушел домой?

– Официант? С галстуком-бабочкой?

Я и сама понимала нелепость своего вопроса. Стоявший передо мной официант был также далеко не стар, одет точно в такую же белую рубашку с короткими рукавами, а под подбородком красовался крохотный черный галстук-бабочка.

– Понимаете, он обслуживал обед во время визита к вам санитарного врача, что-то около полудня.

При упоминании санитарного врача лицо официанта омрачилось. Несколько мгновений он пристально смотрел на нас, потом вдруг, точно вспомнив, сказал:

– Ах да, ведь вы же Ирина Лебедева и тоже были на этом обеде! Да, этот официант сейчас здесь, только он очень занят. Вы хотите, чтобы именно он вас обслужил?

– Мы хотим с ним побеседовать. И еще мы хотим побеседовать с вашим шеф-поваром.

– Не знаю, не знаю, – вид у официанта мгновенно стал точно таким же отчужденным, как только что у швейцара. – Вера Семеновна сейчас очень занята. И потом она в шоке от случившегося, поэтому не уверен, что она сможет с вами побеседовать. Сейчас я пойду передам ей вашу просьбу, а пока, – тут он любезно улыбнулся, – быть может, вы закажете ужин?

Разумеется, мы заказали ужин. Вернее сказать, это сделал Павлик, удивительным образом забывший свои недавние опасения, что его в этом ресторане отравят, а мы только поддакивали его предложениям заказать тот или другой деликатес. Признаться, после происшедшего не только у меня, но и у моих спутников особого аппетита не было. Наконец мы сделали заказ – Костя Шилов вовремя напомнил Павлику, что это не дармовой банкет и за каждое блюдо придется расплачиваться своими кровными, – и нам стали накрывать на стол. Едва мы приступили к ужину, как к нам подошел еще один официант, в котором мы без труда узнали того самого, что угощал санитарного врача вином.

– Вера Семеновна буквально на десять минут отпустила меня, – сказал он, присаживаясь за наш столик. – Какое ужасное несчастье, правда?

Я пристально вглядывалась в его довольно симпатичное юношеское лицо, пытаюсь уловить лицемерие в его глазах, тоне его речи. Но нет, официант выглядел совершенно искренним и никак не походил на скрывающегося за маской лицемерного сочувствия убийцу.

– Милиция считает, что Дмитрий Сергеевич Верейский был отравлен именно в вашем ресторане, – начала я.

– Да, я знаю, – официант понуро кивнул. – Но это какая-то нелепость, вы понимаете? Наша хозяйка – и вдруг убийца! Зачем? Для чего?

– У нее могли быть скрытые мотивы, – заметила я, – о которых мы с вами ничего не знаем.

– Какие мотивы? – официант смотрел на меня, широко раскрыв от изумления глаза.

– Вот это я и пытаюсь выяснить.

Официант, пожав плечами, стал рассеянно смотреть на стол, видимо, соображая.

– Да ну, бред! – вымолвил он наконец. – Врач ничего не нашел у нас, был в принципе всем доволен.

– Могли быть личные мотивы.

– У хозяйки? Думаете, они были знакомы?

Я неопределенно пожала плечами. Думаю... Что я вообще тут могу думать? Вся история – полный мрак, ничего непонятно, абсолютно не за что зацепиться.

– Да ну, – продолжал официант. – Если бы она и впрямь хотела убить его, она бы делала это где-нибудь, но в собственном ресторане, и не ядом, а как-нибудь еще. В случае яда все подозрения тут же на нее и падают.

– А откуда вы знаете, что Верейский был именно отравлен? – спросил Валерий Гурьев

– Так нам сообщили, – ответил грустно, ничуть не смутившись, официант. – И по-моему, вы сами это только что сказали. Разве нет?

Я кивнула. Валере не повезло – факир был пьян, и фокус не удался.

– А вам известно, что в присланных на санэпидстанцию пробах найден тот же самый яд, что и в теле Верейского? – спросила я.

Официант в ужасе вытаращил на меня глаза.

– Нет, про это нам ничего не сообщили, – проговорил он едва слышно. – И что, это правда?

– Разумеется! – ответил вместо меня Валерий. – Потому-то милиция с такой уверенностью и арестовала Надежду Андрееву. Классическая улика, если хотите.

– Да, ничего себе классика! – проговорил официант. Вид у него был совершенно потрясенный.

– И вот тут-то и начинается самое интересное, – сказала я. – Верейский был отравлен в вашем ресторане за обедом, это факт. Но мы трое – я, Павлик и Костя Шилов – тоже ели этот обед, и с нами ничего не случилось. Значит, яд находился именно в том блюде, которое ел только один санитарный врач, но к которому не притронулся ни один из нас, верно?

– Да, но... – Официанта, казалось, шокировал спокойный тон моих рассуждений. – Вы что, всерьез уверены, что кто-нибудь из нас мог подложить ему яд?

– Но ведь сам собой он не мог оказаться в еде, правильно? Остается прикинуть, вспомнить, какие блюда ел только один Верейский и кто ему их подавал.

– Ну, и какие же это блюда? – на лице официанта возникло крайне отчужденное выражение.

– Их несколько, – я пристально поглядела ему в глаза. – Крем-брюле, которым кормила его шеф-повар, жаркое со спаржей и сыром-брынзой, что, кстати сказать, приносили ему с кухни вы...

– Да вы что, спятили?!

– И еще стакан вина, – невозмутимо вторил мне Валера Гурьев, также не сводя глаз с официанта. – Стакан вина, которым вы угостили санитарного врача, когда у него начался приступ тошноты. Никто не видел, откуда вы принесли это вино, как откупоривали бутылку, как наливали...

– Да вы что! – вдруг вскричал молодой человек, вскакивая с места так, что стул, на котором он сидел, отлетел в сторону. – Вы что, думаете, это я, да? Это я его отравил? Да вы спятили, не иначе!

И он стремительно, нервной подпрыгивающей походкой помчался прочь от нас по направлению к кухне, зацепившись по пути за чей-то столик, торопливо извинился, едва не сшиб с ног своего коллегу, идущего с подносом, полным посуды. Сидящие в ресторане с изумлением смотрели то на него, то на наш столик. У меня уши горели от стыда, от того, что я вдруг оказалась в центре общего скандального внимания.

– Темпераментный юноша, – криво усмехаясь, заметил Павлик. Однако и он был шокирован необычным поведением официанта.

– При этом выглядит совершенно искренним, – заметил Гурьев. – Ни одного прокола, совершенно не за что зацепиться.

Мы несколько смутились, когда вдруг обнаружили, что к нам приближается шеф-повар Вера Семеновна. Подошла, остановилась возле нашего столика, и я заметила, что глаза у нее воспаленно-красные, заплаканные.

– Что случилось? – спросила она нас. – Чего такого наговорил вам Сережа? Он прибежал, глаза дикие, руки трясутся. Что с ним?

– Нет-нет, ничего, – попыталась я успокоить ее. – Присядьте, пожалуйста, нам нужно задать вам несколько вопросов.

Некоторое время Вера Семеновна переводила недоверчивый взгляд с одного из нас на другого, потом все-таки уселась на стул, который ей любезно пододвинул Костя Шилов.

– Вы ведь знаете, какое приключилось несчастье, – начала я. – Убийство санитарного врача, в котором обвинили Надежду Андрееву.

Вера Семеновна кивнула, поднесла скомканный платочек к носу: мне показалось, что она вот-вот снова заплачет.

– Только вы поймите, все это глупость, – сказала шеф-повар. – Не могла Надя этого сделать, незачем ей это все было.

– Меня это убийство тоже близко касается, – сказала я, – поскольку Надежда Андреева участвовала в моей программе как раз в тот день, когда в вашем ресторане был отравлен санитарный врач.

– Но почему вы думаете, что он был отравлен именно в нашем ресторане? – горячо возразила шеф-повар. – Будто, кроме как через еду, и отравиться нельзя.

– Сережа не сказал, что во взятых у вас пробах найден тот же самый яд, что и в теле Верейского?

На мгновение Вера Семеновна замерла с приоткрытым от ужаса ртом.

– Но это же бред! – проговорила она. – В нашем ресторане отравить санитарного врача!..

Я внимательно разглядывала женственное, интеллигентное лицо Веры Семеновны и все пыталась представить, что вот сидит передо мной убийца. Но это никак не укладывалось в голове. И всякие пошлые рассуждения, что внешний вид вообще обманчив, что многие люди великолепнейшие актеры, а уж женщины особенно, казались мне в данном случае совершенно неубедительными.

– А можно узнать, – спросила я, – какие у вас сложились отношения с Надеждой Андреевой?

– Хорошие, – шеф-повар смотрела на меня, не скрывая удивления. – Мы дружим уже несколько лет.

– Да уж, – проговорил вдруг молчавший до сих пор Валера Гурьев. – Сегодня на ток-шоу Надежда Андреева говорила только о ресторане да о рецептах и ни слова о личной жизни. Она вообще замужем или как?

– Конечно, замужем, – отвечала Вера Семеновна, удивленно глядя на нас. – Мы с ней через мужей-то и познакомились.

– Вот как? И чем же занимается ее муж?

– А, Юрий... Вообще-то он менеджер на заводе «Серп и молот».

– Хорошо получает?

– Ну, в общем, да. Понимаете, они с моим мужем друзья еще со времен Политеха. Потом ее Юрка устроился на завод «Серп и молот» и так там и крутится. А мой Генка чего только не перепробовал. И перевозками занимался, и водкой торговал, и цветы выращивал... Вот пять лет назад решили открыть ресторан.

– Так, понятно, – сказала я. – Значит, ваш муж директор ресторана «Кристина», а вы его шеф-повар, так?

– Конечно! – улыбнулась Вера Семеновна. – Как в горбачевские времена говорили, у нас семейный подряд.

– А у Надежды Андреевой?

– У нее... Понимаете, в ресторанный бизнес ведь я ее затащила. У нее образование вообще-то педагогическое. Тоже долго не могла приличную работу найти. И вот мы, когда открывались, к себе ее взяли, сначала менеджером, бухгалтером, экономистом в нашем ресторане, помогать моему Генке сводить концы с концами. А потом это дело ей так понравилось, что она решила открыть собственный ресторан.

– А на какие деньги? – несколько хамовато спросил Павлик.

– На кредит в банке, – Вера Семеновна смотрела на Павлика недоумевающе. – Мы с Генкой за нее поручились, и ей дали кредит.

– Она с ними рассчиталась? – спросила я.

– Да, месяца три тому назад.

Я про себя подумала, что Павлик не так уж не прав и версия с кредитом вполне возможна, только проверять ее надо не нам и не сейчас.

– Скажите, – спросил Гурьев, – а во время отсутствия собственного шеф-повара ресторана «Олененок» вы всегда его заменяете?

– Нет, – Вера Семеновна покачала головой, – этим летом первый раз. Прежде в подобных случаях обязанности шеф-повара исполнял кто-нибудь из других поваров.

– А почему в это лето пригласили именно вас?

– Ну, потому что мне сейчас все равно делать нечего, – улыбнулась Вера Семеновна. – Понимаете, наш ресторан «Кристина» сейчас закрыт на капитальный ремонт, и я оказалась не у дел. Вот и решила заменить Виктора Вениаминовича, ему все равно из-за жары в Карелию ехать.

– Это было заранее решено?

– Конечно! – шеф-повар снова улыбнулась. – Мы еще зимой, когда с Генкой обдумывали предстоящий капитальный ремонт, так уговорились: начнется жара, у Надежды Виктор Вениаминович пойдет в отпуск, а я на его место, Генка же всерьез займется рестораном. Ему еще в прошлом году ремонт был нужен, но мы никак денег наскрести не могли, вот на это лето и отложили.

– Понятно, – сказала я рассеянно, не зная, правда, что думать, какие выводы делать из полученной информации.

– Скажите, а с Дмитрием Сергеевичем Верейским вы давно знакомы? – спросил Валера Гурьев.

Радостное выражение на лице Веры Семеновны сменилось тревожным недоумением.

– Вовсе мы с ним не были знакомы, – ответила она. – Только в лицо знали, потому что он как-то наш ресторан «Кристина» инспектировать приходил.

– О проверке на сей раз в «Олененке» были предупреждены заранее?

– Что вы, нет! – Вера Семеновна покачала головой. – Наоборот, совершенно неожиданно приехал, подошел к главному входу и предъявил швейцару удостоверение санитарного врача. А наш Николай удостоверениям не очень-то доверяет. Ну, вы сами понимаете, при нынешнем уровне оргтехники любые корочки подделать не составляет труда.

– И Николай позвал вас, верно?

– Слава богу, что позвал! – чуть лукаво улыбнулась Вера Семеновна. – Он вообще собирался его вышвырнуть, мало ли какие типы тут с удостоверениями ходят!

– Однако на санэпидстанцию вы все-таки позвонили, – сказала я, – хотя и узнали санитарного врача в лицо?

– Надя настояла, – сказала шеф-повар. – Она-то видела его впервые. Но на санэпидстанции сказали, что все нормально, даже посоветовали накормить его получше, особенно каким-нибудь тортом, где побольше крема, он такое любит. Кто же знал, что так получится...

Вера Семеновна тяжело вздохнула и потупилась, мы тоже на некоторое время замолчали. Я думала, что историю, рассказанную шеф-поваром, мы уже один раз слышали, и вроде бы не находилось причин не верить. Но тогда выходило, что мы из сегодняшней беседы не узнали ничего: ни новых улик, ни мотивов, все глухо. Впрочем, тут арифметика была четкая: если ресторанные работники причастны к этому убийству, мне они про это не скажут, не сознаются, их причастность нужно узнавать иным, окольным путем. И этот путь мог лежать только через знакомства самого Верейского, до которых надо еще придумать, как добраться.

Признаться, в тот момент досада на собственную беспомощность и неспособность что-нибудь выяснить были так велики, что я подумала: а почему, собственно, должна я кого-то жалеть? Почему бы не взять и не применить к Вере Семеновне шоковую терапию? И наплевать мне, что сидит она передо мной с таким честным и искренне удрученным видом – мало ли какие непризнанные гении актерского мастерства скрываются вот так по жизни!

– Скажите, – начала я свой гестаповский допрос, – а Надежда Андреева понимает что-нибудь в кулинарии? Она сама часто появляется на кухне, участвует в приготовлении блюд?

– Вы знаете, нет, – сказала шеф-повар, видимо, обрадованная тем, что я наконец-то прервала свое мрачное молчание и заговорила. – Она сама признается, что занимается в ресторане

только менеджментом, а кухней заведует исключительно Виктор Вениаминович. Ну а теперь, когда он в отпуске, это делаю я.

– Значит, Надежда Андреева сама не готовит?

– Нет, не готовит, – подтвердила Вера Семеновна. – И вообще на кухне появляется только пару раз за день. Постоит у порога, убедится, что все нормально, и идет дальше по своим делам.

– А сегодня? – спросила я. – Сегодня Надежда Алексеевна много раз заходила к вам?

– Как обычно, пару раз.

– И всякий раз останавливалась на пороге?

– Конечно, – Вера Семеновна преспокойно кивнула. – Понимаете, санитарные нормы запрещают заходить на кухню без белого халата. Как в больнице.

– А могла она зайти на кухню так, чтобы ее при этом никто не заметил?

Вера Семеновна посмотрела на меня озадаченно.

– Как это – чтобы никто не заметил? На кухне постоянно кто-нибудь есть, и помещение ее не настолько огромно, чтобы там можно было затеряться.

Меня удивляли спокойствие и невозмутимость этой женщины. Они могли свидетельствовать как о чистой совести, так и о великолепном самообладании. Тем не менее я решилась нанести свой последний удар.

– Понимаете, к чему я веду, – сказала я. – Так или иначе, но санитарный врач Дмитрий Сергеевич Верейский был отравлен, это факт, от которого мы не сможем отвертеться. И отравить его могли только в вашем ресторане, потому что иначе просто негде.

– Но послушайте...

– Подождите, не перебивайте меня! И отравить его могли, лишь подсыпав ему яд в еду, при этом будучи абсолютно уверенными, что, во-первых, про это никто не узнает, хотя бы до поры до времени, а во-вторых, что этим ядом не отравится кто-нибудь еще. Едва ли убийца планировал в вашем ресторане террористический акт. Следовательно, яд мог подсыпать человек, не только имевший неограниченный доступ к блюдам, но и непосредственно присутствовавший на обеде, следивший за его ходом, даже управлявший им.

Я сделала паузу, наблюдая за реакцией шеф-повара на свои слова. Но Вера Семеновна слушала меня невозмутимо, спокойно ожидая, к чему приведут меня мои рассуждения.

– Понимаете, – продолжала я, – мы с Павликом, нашим оператором и водителем Костей Шиловым ели этот обед, но с нами ничего не случилось. Значит, яд был в блюде, которое ел один только санитарный врач, и, кроме него, к нему никто не притрагивался!

– Логично, – сказала Вера Семеновна, и тут я впервые заметила, что она напряглась.

– И таких блюд было несколько, – продолжала я. – В их числе ваше знаменитое крем-брюле, которое вы готовите при помощи лазерной лампы. Вы никого даже близко не подпускаете к себе в тот момент, когда его готовите, и у вас была чудесная возможность подсыпать в качестве одного из ингредиентов в крем-брюле ядовитый порошок.

– И при этом вы угощали им одного только санитарного врача! – вторил мне Павлик. – А нам эту вкусность даже не предложили. Спрашивается, почему?

– Потому что совершенно забыли про вас в этот момент и готовили только для него одного, – ответила шеф-повар. – С ним, знаете, очень долго приходится возиться.

– Но на столе было три тарелочки с кремом! – возразила я. – И их все вы скормили Верейскому, а нам даже не предложили!

– Вы так настойчиво уговаривали Верейского съесть крем-брюле, хотя он наотрез отказывался, – заметил Валера Гурьев. – Спрашивается, почему?

Вера Семеновна заметно побледнела и замерла с открытым ртом, глядя на нас во все глаза. Вдруг ее лицо исказила гримаса, и она кашлянула. Потом – снова гримаса, и снова она кашлянула еще раз. Потом вдруг стала кашлять непрерывно, мелко-мелко, часто-часто, так что со стороны это было очень похоже на своеобразный смех. Мы с изумлением глядели на нее,

не зная, как понимать этот неожиданный взрыв веселья, ожидая, что Вера Семеновна сейчас кончит кашлять или смеяться, и мы продолжим разговор.

Но шеф-повар продолжала кашлять, и вот уже сидящие за соседними столиками недоумевающе посматривали в нашу сторону. И вот уже подбежали к нам со всех сторон, побросав свои дела, официанты, постукиванием по спине пытаясь привести в чувство Веру Семеновну, а затем, взяв ее под руки, повели прочь от нашего столика. Теперь уже весь ресторан с напряженным любопытством смотрел то в нашу сторону, то вслед удаляющейся Вере Семеновне, и я чувствовала, как щеки и уши вспыхивают у меня со стыда огнем второй раз за этот вечер.

Вскоре после того, как ее увели, к нам подошел официант, тот самый, что поначалу обслуживал нас, и сказал сухо и неприветливо:

– Так, расплачивайтесь, пожалуйста!

– Но мы еще не все съели! – попробовал было возразить Павлик, но официант посмотрел на него так сумрачно, что Павлик тут же заткнулся.

Мы расплатились и поспешили поскорее выйти из зала, по-прежнему ощущая на себе любопытные взгляды присутствующих. Поспешно, не глядя, проскочили мимо стоявшего столбом швейцара Николая и вздохнули облегченно, только оказавшись в своей «Волге». Долго мы подавленно молчали, никто не решался заговорить первым.

– Да уж, – наконец открыл рот Гурьев, саркастически кривя губы. – Нечасто выпирали меня из ресторана вот так, в шею.

– Сволочи проклятые! – обозленно проговорил Павлик. – Деньги с нас за ужин взяли, а съесть нормально его не дали. Это же чистое жульничество! И нарушение прав потребителей!

Ему никто не ответил. Нас всех беспокоила проблема куда серьезнее, чем то, что Павлик не доел в ресторане всего, что хотел и имел право съесть.

– Однако интересное поведение, – задумчиво заметил Валерий, рассеянно глядя на меня. – Его вполне можно понять и как оскорбленную невинность, и как то, что своими вопросами ты, Ирина, попала в десятку, и этих людей, которые все это устроили, задела за живое.

– Надо искать мотивы убийства, – упрямо настаивал Костя Шилов, – без этого мы никуда не продвинемся.

– Будем искать, Костя, будем, – сказала я, – но только завтра.

Я вдруг ощутила смертельную усталость. Страшно тяжелый день был сегодня, и мне вдруг показалось, что у меня не хватит сил добраться до дома, что я упаду и засну где-нибудь по дороге.

– Кстати, – сказал Гурьев, – а какие у нас планы на завтра?

– Завтра с утра я иду на санэпидстанцию беседовать со знакомыми и сослуживцами Верейского, – сказала я. – С ними проще, чем с родственниками. На санэпидстанцию меня могут пустить по журналистскому удостоверению.

– Верно, – сказал Павлик. – Это домой к Верейскому ты не припрешься с вопросами. Если ты не из ментуры, сразу пошлют к хреновой матери.

– Вот именно, – подтвердила я со вздохом. – Но к родственникам Верейского можно подъехать в воскресенье, когда санитарного врача будут хоронить. Кто, кстати сказать, составит мне компанию на завтра и на воскресенье? Не одной же мне по всем этим местам шляться!

– Твой, Ирина, законный супруг, – невозмутимо ответил Павлик. – А меня уж будь добра от печальных зрелищ чужого горя избавить!

– И я завтра не могу, – сказал извиняющимся тоном Костя Шилов. – Завтра у меня опять командировка в район.

Да уж, подумала я, получалось весело. Когда мне во всех моих расследованиях позарез нужен спутник, сразу все оказываются по горло занятыми и помочь ничем не могут.

– Завтра, Ирина, так уж и быть, пойдем вместе на санэпидстанцию, – сказал вдруг Гурьев. – Кстати сказать, майор мне почти обещал завтра же устроить встречу и с Надеждой

Андреевой, в его кабинете, часа в четыре дня. Разумеется, в его присутствии, но поклялся не мешать задавать вопросы.

– И мне можно будет туда пойти? – обрадовалась я. – Валера, это капитально, ты просто молодчина!

– Да, я знаю, что я молодчина, – отвечал невозмутимо наш криминальный репортер. – А вот в воскресенье, извини, я тоже занят. Чем тебе, в самом деле, не подходит твой Володька?

– В субботу он занят в университете, – сказала я. – А в воскресенье собирался весь день безвылазно пробыть на пляже. Но ничего, пойдем на пляж ближе к вечеру, вряд ли к тому времени похолодает или Волга обмелеет так, что купаться нельзя будет. Итак, решено: встречаемся с тобой, Валера, завтра в девять на телевидении. Верно? Кстати, ты в курсе, где находится городская санэпидстанция?

– Конечно, – кивнул Гурский. – Мы туда запросто доберемся пешком, она от телецентра недалеко.

– А сейчас, – сказала я, – Костя, пожалуйста, развезите нас всех по домам. Мне кажется, я сегодня так устала, как до сих пор не уставала еще ни разу в жизни.

Глава 4

Мне снился страшный лесной пожар. Стена пламени наступала, могучие деревья вспыхивали точно спички и, в одно мгновение превратившись в ослепительно пылающий факел, как подкошенные валились на землю, разбрасывая вокруг облака искр и дыма. Ветер раздувал огонь, гнал его, разбрасывая во все стороны клубы огня, жара, гари и копоти. Казалось, что горит все вокруг: трава и деревья, сам воздух, земля и небо. Всяческая лесная живность, большая и малая, медведи и лоси, волки и лисы, зайцы, белки, куницы мчались мне навстречу, спасаясь от страшного пожара, не разбирая дороги, забыв, кто из них враги, а кто друзья, в ужасе перед огнем спасая свою жизнь. Толпа зверей едва не сшибала меня с ног.

А я, точно не замечая смертельной опасности, шла навстречу приближающемуся бушующему пламени, направлялась в самое его пекло, сама не зная, зачем и почему. Смертельный ужас охватывал меня, я хотела повернуть, бежать прочь от него, но ноги не слушались, продолжали свое движение вперед. И вот уже стена огня совсем рядом, клубы дыма душат меня, жар опалает щеки и ресницы. В ужасе я пытаюсь кричать, но крик хриплым стоном замирает в моем пересохшем горле, и новый порыв ветра швыряет шквал огня мне прямо в лицо...

Я проснулась вся в поту, с бешено бьющимся сердцем. И словно в продолжение ночного кошмара обнаружила, что спальня и вправду вся в дыму, и от запаха гари саднит в горле. В ужасе вскочив, я поспешила на кухню.

Эпицентром задымления был, разумеется, духовой шкаф нашей газовой плиты. В сизом дыму я едва разглядела своего супруга в трусах и майке, но с намотанным вокруг головы полотенцем, извлекающего из духовки нечто, что я вначале приняла за мастерски вырезанную руками опытного скульптора из куска черного каменного угля фигурку куриной тушки, уложенной на спину и с торчащими кверху обрубками-окорочками. Сходство было тем более разительным, что куриная тушка была облеплена кристалликами соли, поблескивавшими в желтом свете кухонной лампочки.

Поставив «скульптуру» на стол, Володька поспешил поплотнее закутать нос и рот в полотенце.

– Я вижу, ты занялся вырезанием из каменного угля, – сказала я спросонья, чувствуя, что еще немного, и задохнусь в дыму. – Только не пойму, зачем ты засунул ее в духовку? Помоему, у каменного угля и без того достаточно закопченный вид.

Володька растерянно смотрел то на меня, то на очередное произведение своего кулинарного творчества.

– Слушай, это великолепнейший рецепт куриного жаркого, – сказал Володька. – Мне вчера дали его наши женщины в университете. Представляешь, берешь разделанную курицу, кладешь ее на сковородку, куда предварительно насыпан толстый слой соли. И ставишь это в духовку на медленный огонь. Правда, жарится это довольно долго, нужно сидеть и ждать возле плиты, следить, чтобы не пригорело.

– И ты проследил и заснул за этим ожиданием!

– Не заснул, а просто задумался, – вздохнул Володька.

– А когда очнулся от задумчивости, тут все уже было синим от дыма, правда?

Володька смотрел на меня смущенно и виновато. В то утро мы завтракали на балконе.

* * *

Городская санэпидстанция помещалась в старинном трехэтажном купеческом особняке, домов такого типа сохранилось во множестве в нашем городе. У входа нам с Валерой пришлось

все-таки показать наши журналистские удостоверения, внимательно разглядев которые, вахтерша – пожилая и совершенно безобидная на вид женщина – сказала коротко:

– Проходите.

Я в некоторой растерянности оглядела широкую старинную чугунную лестницу, ведущую на второй этаж: а куда, собственно, должны мы были теперь проходить? Мне на помощь пришел Гурьев, спросивший у вахтерши:

– Скажите, а Верейский сейчас здесь?

Вахтерша вытаращила на него глаза.

– Верейский? – переспросила она с каким-то суеверным ужасом. – Вон, посмотрите! – и она указала нам куда-то позади нас.

Обернувшись, мы увидели на противоположной стене портрет Верейского в траурной рамке и извещение о его смерти.

– Гражданская панихида завтра в одиннадцать в здании санэпидстанции, – констатировал Валера Гурьев. – Ну, на это мероприятие ты пойдешь со своим Владимиром Николаевичем. У меня на завтра развлечение поинтереснее намечается.

Я покорно кивнула. То, что Гурьев, несмотря на свою деятельность криминального репортера, боится покойников и терпеть не может похорон, было известно всем на телевидении.

Я снова повернулась к вахтерше.

– Скажите, а побеседовать с кем-нибудь из его коллег можно? – спросила я.

– Ну, с кем из коллег, – задумчиво повторила та. – Сегодня суббота, на месте-то и никого нет. Разве вот только Константин Георгиевич, его начальник. В смысле, начальник пищевого отдела.

– Да-да, – подтвердила я, вспомнив это имя-отчество, произносившееся вчера санитарным врачом. – Константина Георгиевича можно видеть?

– А, ну пройдите, – сказала вахтерша. – Это на втором этаже, с лестницы направо.

И мы с Валерой стали подниматься по лестнице, следуя указанному маршруту.

Повернув с лестницы направо, мы уперлись в тяжелые дубовые двери с табличкой на них: «Пищевой отдел». За дверьми обнаружился достаточно длинный коридор со множеством дверей, ближайшая к нам была приоткрыта, и на ней висела табличка: «Секретарь». Чтобы расспросить про дальнейшую дорогу, мы вошли в эту дверь, и вдруг нос к носу столкнулись с самим Константином Георгиевичем, начальником нашего санитарного врача. На меня он посмотрел ошалелыми глазами, потом отвернулся в сторону и сухо проговорил:

– Вы напрасно пришли, ваш ресторан сегодня закрывается. Вот, я несу постановление об этом на подпись главному санитарному врачу города.

И он, не дожидаясь нашей реакции, вышел, оставив нас стоять столбом посреди комнаты.

Помещение, где мы находились, очевидно, являлось приемной начальника погибшего санитарного врача. В довольно просторной комнате стояли возле стен пара диванов и кресла, напротив входной двери находилась другая, обитая черным дерматином с табличкой: «Маслин Константин Георгиевич, заведующий пищевым отделом».

В приемной, кроме диванов и кресел, мы увидели также стол с установленным на нем компьютером. За столом сидела секретарша, дама бальзаковского возраста, довольно тощая, с неправильными чертами лица. Наверное, санэпидстанция все же не настолько крутая организация, чтобы нанимать секретарш с длинными ногами типа секс-бомба.

– Теплый прием, ничего не скажешь, – саркастически улыбаясь, заметил стоящий рядом со мной Гурьев. – Ласковый такой.

На мгновение секретарша оторвалась от экрана монитора и бросила в нашу сторону короткий, как молния, взгляд.

– Константин Георгиевич сегодня занят, – сказала она, – и принять вас не сможет.

Мне стало дико тоскливо от этих слов. На совещаниях Кошелев, наш шеф, уши прожужжит о том, каким успехом пользуется программа «Женское счастье», сколько народу ее смотрит, каждая женщина, жительница нашей губернии, непременно знает меня в лицо. И вот, пожалуйста: сидит передо мной женщина, вроде неглупая и наверняка смотрящая дома телевизор, однако меня, очевидно, не узнает и вообще к нашему с Валерой присутствию относится достаточно пренебрежительно.

– Слышишь, Ирина, – вновь заговорил Гурьев, – нас здесь, кажется, приняли за работников ресторана.

– Ну конечно! – вторила ему я. – Вчера мы с Павликом и Костей Шиловым как раз проводжали санитарного врача домой, когда этот тип подъехал. И он подумал, что мы тоже персонал ресторана.

После этих слов секретарша вдруг оторвалась от монитора и стала пристально вглядываться в мое лицо. Потом она вдруг расплылась в счастливой улыбке.

– Ой, ведь вы же Ирина Лебедева! – проговорила она умильно-слащаво.

– Наконец-то дошло! – процедил сквозь зубы Гурьев. Но секретарша пропустила его ехидство мимо ушей.

– Ой, как здорово! – продолжала она так же умильно. – Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Скажите, вы про нас репортаж снимать будете, да?

– Если будете себя хорошо вести, – пробормотал себе под нос Валерий.

– Вы извините, что я вас сразу не узнала, – сказала секретарша. – У нас вчера такое случилось!

– Знаем, видели некролог у входа.

Валера Гурьев явно решил сегодня вести себя по-хамски до самого конца. Поэтому, усаживаясь, я постаралась наступить ему на ногу, прося таким образом заткнуться и не мешать мне раскручивать эту секретаршу на треп. Наверняка она может многое рассказать о друзьях и недругах погибшего вчера врача.

– Сотрудника у нас одного убили, представляете? – сказала секретарша. – Поехал inspectировать ресторан, и там его накормили отравленным обедом. Едва он от них выехал, как сразу и умер.

– Кошмар, что происходит, – согласилась я. – И кто это сделал, неизвестно?

– Почему это неизвестно? – секретарша посмотрела на меня с искренним недоумением. – Очень даже хорошо известно. Сами работники этого ресторана и сделали. Милиция уже арестовала его хозяйку, говорят, там нашлись неоспоримые улики.

– Да-да, – проговорила я рассеянно. Похоже, на санэпидстанции в вине Надежды Андреевой никто не сомневался. – А за что же его убили? Неужели из-за того, что нашел какие-то нарушения во время осмотра?

– Ну кто ж его знает, – секретарша довольно безразлично пожала плечами. – Значит, было за что. Просто так ведь никто убивать не станет.

– Может быть, случайность? – робко предположила я.

– Вряд ли, – отозвалась секретарша. – Обнаружен какой-то очень редкий и необычный яд, наши химики еле-еле разобрались с ним. Такой случайно в пищу попасть не может, да еще и в смертельно опасных дозах!

В этот момент дверь приемной распахнулась, и в комнату уверенным шагом вошел Константин Георгиевич.

– Так, Мякушев подписал постановление, – сказал он, оптимистично потрясая бумагой. – Значит, сейчас поедем эту лавочку прикрывать. – Заметив нас, он скорчил гримасу досады. – Ну а вы-то что здесь делаете? Вам же объяснили, что сегодня приема нет. И потом, судьба вашего ресторана уже решена, он закрывается в самое ближайшее время!

– Константин Георгиевич, это люди с телевидения! – объявила секретарша, поднимаясь со своего места. – Это – Ирина Лебедева, ведущая программы «Женское счастье».

– С телевидения? – на мгновение вид у заведующего пищевым отделом сделался совершенно ошалелым. – Тогда какого же хрена вы делали в ресторане?

При этом я увидела, как вспыхнул в глазах секретарши огонек недоверия, хотя она и знала меня по телепередачам.

– Понимаете, – начала объяснять я, – в ресторане мы были по приглашению его хозяйки Надежды Андреевой.

– По приглашению? А зачем вам понадобилось это приглашение?

– Вчера мы должны были готовить вечерний эфир с ней, с Надеждой Андреевой, – послушно, как школьница, объяснила я. – Вечером она должна была принять участие в моей программе «Женское счастье».

– И эфир не состоялся, так?

– Почему не состоялся? – опешила я. – Все состоялось. Ее арестовали сразу после эфира.

– В этом-то вся и беда, – заговорил Валерий Гурьев. – Ирина показала в своей программе женщину, которую прямо в студии арестовали по подозрению в убийстве. Так что теперь у нее неприятностей будет и с начальством, и, может быть, в левой прессе что-нибудь появится.

– Так, понятно! – перебил речь Валерия г-н Маслин. – Пожалуйста, заходите в кабинет. Светлана, меня полчаса ни для кого нет!

С довольным видом мы с Валерием прошли в его кабинет.

– Итак, прежде всего давайте познакомимся. – Константин Георгиевич пригласил нас сесть на стулья у длинного стола совещаний и уселся за свой стол сам. – Я, Константин Георгиевич Маслин, являюсь заведующим пищевым отделом городской санэпидстанции...

– Это мы все знаем! – довольно развязно ответил Валера. – Вывески на дверях начальных кабинетов умеем читать!

Я как следует двинула Валеру под столом ногой.

– Познакомьтесь, пожалуйста, – сказала я как можно вежливее. – Это Валерий Гурьев, мой коллега. У нас на телевидении ведет криминальную хронику.

– Криминальную? – переспросил Константин Георгиевич и нахмурился. – Тогда вы пришли очень даже кстати. Криминала в нашем скромном учреждении стало хоть отбавляй.

– Да, мы знаем, – вздохнула я. – Дмитрий Сергеевич Верейский... Мы как раз с ним вместе обедали в том самом ресторане, когда это случилось.

– В том самом? – переспросил Константин Георгиевич, пристально глядя в нас. – Ну, тогда считайте, вам крупно повезло, что вас не отравили вместе с ним.

– Конечно, – кивнула я. – И вот мы думаем... – Но заведующий пищевым отделом перебил меня:

– Вы должны понимать, какая у нас тут работа, – сказал он. – Казалось бы, рай, а не жизнь! Ходи по ресторанам, все осматривай, суй во все нос, все критикуй. А тебя в благодарность еще и обедом накормят.

– И денег в конвертике подсунут, – пробормотал Гурьев. Но Маслин сделал вид, что не слышит его слов.

– А вот видите, как оно получается! – продолжал он. – Был человек и нет человека! И заметьте, это далеко не первый случай гибели сотрудника проверяющей организации при подобных обстоятельствах!

– Вот как? – вежливо переспросила я. – Были и раньше случаи, когда гибли санитарные врачи?

– Сколько угодно! – заявил заведующий пищевым отделом. – Иногда нарушения санитарных норм оказываются настолько вопиющими, что не только объект закрывать надо, но и его хозяев под суд отдавать. Вот тогда и начинается! Иные, самые ретивые, откровенно предла-

гают: или деньги берете и оставьте нас в покое, или с вашей семьей и с вами произойдут очень серьезные неприятности! Без преувеличения, иногда честность и принципиальность приходится оплачивать собственной кровью.

– Да, но Дмитрий Сергеевич говорил тогда, перед самым уходом, что никаких нарушений в ресторане Надежды Андреевой он не обнаружил!

– Позвольте! – тут Маслин широко улыбнулся. – А яд, который найден в пробах блюд? Это, по-вашему, что, не нарушение?

– Но этим ядом отравили его самого! Он же не мог про это знать, не сделав химического анализа. И потом, эти пробы не доказывают, что в ресторане «Олененок» травил всех посетителей подряд!

– Ну почему это не доказывает? – Константин Георгиевич пожал плечами. – Кто вам, собственно, сказал, что Верейский не нашел в ресторане никаких нарушений?

– Он сам! Он и вам это сказал, когда передавал чемоданчик с пробами!

– Ах да, – Маслин нахмурился, покачав головой. – Совсем забыл. Понимаете, когда лаборатория обнаруживает недопустимые вещи в пробах, к выводам проверяющих, утверждающих, что все нормально, относишься очень скептически. Эх, Димка, Димка! – вздохнул он, грустно качая головой и не глядя ни на кого из нас. – Головастый мужик до чего был, толковый, энергичный, грамотный. Специалист великолепнейший! В Москве таких нечасто встретишь.

– Он был очень принципиальным? – спросила я. – В отношении к нарушителям очень строг?

– Очень! – Константин Георгиевич снова грустно кивнул. – За честь свою как санитарного врача, работника санэпидстанции стоял горой. Чтобы пропустить нарушение, какое-нибудь малейшее несоответствие санитарным нормам – никогда! И деньги ему иной раз предлагали – не брал, и угрожали... Ничего не боялся!

– Ему угрожали? – встрепенулся Гурьев. – А вы можете сказать, кто именно?

– Ну кто, – Маслин неопределенно пожал плечами. – Понятно кто. Чей ресторан или кафе по Димкиному предъявлению закрывать приходилось, те ему и угрожали.

– А вы можете сообщить конкретно, кто? – не унимался Валерий. – Сами посудите, у Надежды Андреевой абсолютно никакого повода убивать санитарного врача не было. Так, может быть, это не она, а те, кто ему угрожал, и нашли способ отравить Верейского, а Надежду Андрееву использовали как подставу?

Заведующий пищевым отделом смотрел на нас с иронической полуулыбкой.

– Милиция не сомневается в виновности хозяйки ресторана «Олененок», – сказал он.

– Мы знаем, видели, – возразила я. – Но все равно...

– Почему, собственно, вы оба так интересуетесь всем этим? – спросил Маслин.

– Потому что, во-первых, Надежда Андреева приняла участие в программе Ирины Лебедевой, а во-вторых, она попала в тюрьму по подозрению в убийстве, – ответил Гурьев. – Каждый из этих фактов по отдельности для нас безразличен, но вместе они Ирину очень сильно компрометируют.

– И вот вы решили во что бы то ни стало вытащить Андрееву из тюрьмы? – спросил с иронической усмешкой Маслин.

– Нет! – горячо возразила я. – Просто чем больше об этом думаю, тем больше убеждаюсь в невиновности хозяйки ресторана. Во всей этой истории концы с концами не сходятся!

Немного помолчав, Маслин сказал:

– Да уж, очень интересно.

– Константин Георгиевич! – воскликнула я умоляюще. – Пожалуйста, помогите нам! Вы говорили, что Верейскому кто-то угрожал. Не могли бы вы нам дать конкретные координаты тех, от кого поступали угрозы? А мы займемся их проверкой! Есть шанс, что так мы что-нибудь да узнаем. Нельзя же сидеть сложа руки, в то время как невинный человек сидит в тюрьме!

– Ну, я вам уже сказал, что не считаю ее невиновной.

Маслин некоторое время задумчиво помолчал, потом сказал решительно:

– Значит, так! Где сейчас находятся и чем занимаются бывшие владельцы ресторанов, которые Димка закрывал, этого я и сам не знаю, и вам сообщить не могу. Хотите, дам адреса ресторанов, которые он проверял за последние недели и где нашел какие-то нарушения?

Наверное, лица у нас обоих заметно вытянулись, потому что Маслин поспешил добавить:

– Извините, но больше я вам помочь ничем не могу! Не знаю я, где сейчас те, чьи рестораны были закрыты, мы не милиция, не интересуемся подобными вещами! – и, видя, что мы продолжаем растерянно молчать, снова спросил: – Так как, возьмете адреса тех ресторанов или нет?

Нам ничего не оставалось, как принять предложение Константина Георгиевича. Для этого пришлось выйти в приемную, где за компьютером, по-прежнему уткнувшись носом в монитор, сидела секретарша. Попросив ее на мгновение освободить компьютер, заведующий пищевым отделом уселся за него и стал извлекать нужную информацию, а потом выписал нам на листочек три адреса ресторанов, заявив, что для начала этого вполне достаточно. Потом, извинившись, что времени для нас у него больше нет – надо ехать закрывать ресторан Надежды Андреевой, – вежливо попрощавшись с нами, проводил до двери приемной своего кабинета.

Только оказавшись на улице, я решила развернуть листочек Маслина и посмотреть, что он там написал. Заглянувший мне через плечо Валера Гурьев удовлетворенно хмыкнул, потому что первым номером в этом списке значился ресторан «Кристина» и его хозяин Иванюков Геннадий Васильевич.

Глава 5

Как и заведение Надежды Андреевой, ресторан «Кристина» помещался в одноэтажной пристройке к типовой девятиэтажке. Его парковка прежде наверняка столь же ухоженная и выглядевшая опрятно, как и у ресторана «Олененок», теперь, когда мы подошли, была обезображена грудami строительного мусора, кусками битого кирпича, обломками цементной штукатурки, обрывками бумаги. Самым красивым на площадке у входа в ресторан оказалась большая куча ярко-желтого строительного песка, сваленная рядом с клумбой и частично присыпавшая росшие на этой клумбе саженцы каштанов.

Окна ресторана были замазаны мелом, вымощенный разноцветной плиткой пол крыльца был разворочен, раздолбан не иначе как ударами лома, вместо двери – грубая стальная решетка, теперь распахнутая настежь. Так что для понимания того, что происходит в ресторане «Кристина», висящая на прутьях решетки фанерная табличка «РЕМОНТ» оказывалась совершенно необязательной, и так все понятно.

Какой-то рабочий-строитель в перемазанном алебастром комбинезоне с пустым ведром в руках как раз выходил из здания ресторана, у него я и решила спросить:

– Скажите, а хозяин заведения сейчас здесь?

– Геннадий Васильевич? Да, был в своем кабинете. А что вы хотели?

– Мы с телевидения...

– Да? – рабочий рассмеялся. – Ну, проходите. Только снимать-то сейчас у нас нечего. Сами видите, ремонт идет. Осторожнее там! – крикнул он нам уже в спину, тогда как мы поднимались по изуродованному крыльцу ресторана, направляясь внутрь.

Кабинет директора был здесь единственным местом, которого еще не затронул ремонт. И хотя грохот от строительных работ, пыль и запах краски стояли страшные, дверь этого кабинета оставалась открытой, словно его хозяин, сидя там, тем не менее желал хотя бы на слух контролировать происходящее вокруг.

Иванилов Геннадий Васильевич был довольно крупным, высокого роста и дородным мужчиной лет сорока или сорока пяти, с правильными, несколько грубоватыми, но выразительными чертами лица, как это часто бывает у людей, в юности интенсивно и профессионально занимавшихся спортом. Он как раз разговаривал с кем-то по телефону, когда мы оказались на пороге его кабинета, кивнул нам, чтобы проходили, жестом пригласил сесть. Закончив разговор, он отложил в сторону свой мобильник и вопросительно уставился на нас:

– Итак, слушаю вас.

– Мы бы хотели, – начала я, запинаясь и не очень уверенно, – порасспросить вас о Дмитрии Сергеевиче Верейском, санитарном враче городской санэпидстанции.

– Это которого вчера отравили насмерть и из-за которого арестовали Надю Андрееву? – нахмурившись, переспросил Иванилов.

– Ну да, его самого, – подтвердила я.

Иванилов кивнул, помрачнел еще больше и немного погодя произнес:

– Да уж, очень несимпатичная история.

– А кстати, – вмешался Валерий. – Откуда вы про все это знаете?

Иванилов посмотрел на Гурьева крайне неприветливо.

– В принципе это не ваше дело, но я все-таки отвечу – от жены, – сказал он. – А теперь позвольте встречный вопрос. Кто вы, собственно, такие и по какому праву меня обо всем этом расспрашиваете?

– Мы с телевидения, – поспешила объяснить я. – Меня зовут Ирина Лебедева, а это мой коллега, криминальный репортер Валерий Гурьев.

– Ах, с телевидения! – протянул Иванилов, откидываясь на спинку кресла и оглядывая нас скептическим взглядом. – Так это вы вчера Верочку чуть не до сердечного приступа довели?

На мгновение я растерялась, не зная, что ответить.

– Но... – пробормотала я, – мы не хотели этого!

– Ах, ну, разумеется, вы не хотели! Это вообще бывает довольно редко, когда человека сознательно доводят до инфаркта. Гораздо реже, чем случается сам инфаркт. Ладно! – сказал он, слегка прихлопнув ладонью по столу. – Что вам теперь от меня нужно?

– Мы... – я снова растерялась. – Мы бы хотели расспросить вас о Дмитрие Сергеевиче Верейском.

– Ну да, об этом толстомордом санитарном враче, который всю жизнь только и делал, что жрал. Жрал так, что в конце концов обожрался и сдох, – сказал с кривой усмешкой Иванилов.

Я замерла, шокированная грубостью и цинизмом его слов.

– Вы бы помягче об умершем, – заметил вполголоса Валера Гурьев.

– Можно и помягче, – согласился хозяин ресторана «Кристина». – Не пойму только, зачем вам все это нужно. И почему вообще после того, что вы вчера устроили с Верочкой, я должен вам что-то рассказывать.

– Нам нужно знать мотивы убийства Верейского, – сказала я.

– Зачем это вам?

– Мы хотим найти истинного преступника, – сказала я. – Или вы, как и милиция, считаете Надежду Андрееву виновной в его смерти?

– Нет, боже упаси! – Иванилов несколько смутился и присмирел. – Что это за бред, Надя – убийца! И как вообще в милиции могли додуматься до такого!

– А вы не знаете? – иезуитским тоном спросил Гурьев. – Разве ваша жена вам этого не рассказала?

Тут Иванилов сердито нахмурился:

– Знаете, вчера после беседы с вами она пришла в таком состоянии, что я не решился ее подробно обо всем этом расспрашивать. А вот сегодня она ни свет ни заря снова куда-то ушла, по каким-то своим знакомым, сказала, выручать Надю.

– А по каким знакомым, не сказала?

– Нет, – сухо возразил Иванилов. – И мне бы очень не хотелось, чтобы вы пошли еще и к ее знакомым, чтобы их довести до сердечного приступа, как вы сделали вчера с моей женой!

– Вот как, – сказал Гурьев настороженно. – Значит, вы вовсе не хотите, чтобы был найден истинный убийца и Надежда Андреева была выпущена из СИЗО?

– Я не хочу? – вспыхнул Иванилов. – Да вы в своем уме? Я вообще думаю, что ее скоро выпустят. Или что, у милиции есть серьезные улики против нее?

– Конечно, есть, – сказал Валерий ехидно. – Тот же самый яд, что найден в теле Верейского, обнаружен лабораторией санэпидстанции в пробах блюд, привезенных им из ресторана «Олененок», который он инспектировал и где обедал.

От этих слов Иванилов вытаращил на нас глаза, даже чуточку побледнел, как я заметила.

– Вот это да! – протянул он после паузы. – Ничего себе детективчик получается! Тогда вы правы, она действительно серьезно влипла.

– Неужели вы про все это до сих пор не знали? – воскликнула я недоверчиво.

– Так говорю же вам! – Иванилов заметно нервничал. – Вчера Верочка мне только и сообщила, что Верейского отравили, а нашу Надю за это арестовали. И больше ни слова! Я вообще, – произнес он несколько мягче, – поначалу подумал, что Верейский попросту объелся. Понимаете, он обжора был страшный.

– Знаю, видела, – кивнула я.

– Ну вот, – произнес хозяин ресторана. – Я всегда говорил, что это добром не кончится, что ему нельзя столько жрать, что собственный желудок поберечь надо, а не издеваться над ним, иначе может быть такое несварение желудка, что Верейскому придет крышка. Так и получилось!

– Однако Верейский умер не от несварения желудка, – возразил Валера Гурьев. – Его отравили сильнодействующим ядом.

– Какая разница, – безразлично согласился Иванилов, пожимая плечами.

Некоторое время мы все молчали. Поведение Иванилова и его жены наводило на мысль, что они оба все это и обделали, притом подставив Надежду Андрееву, считавшуюся их подругой, – обстоятельство, теряющее всякий смысл, когда речь заходит о больших деньгах. Но если Иваниловы и правда организовали убийство Верейского по чьему-нибудь заказу, доказать это, найти неопровержимые улики их вины будет безумно трудно. И искать их придется отнюдь не в ресторане «Кристина», но я понятия не имела, где именно.

Все, что было в моих силах сейчас, это и дальше задавать вопросы в надежде, что Иванилов о чем-нибудь проболтается, благо пока что хозяин ресторана открыто не противился этой процедуре.

– Скажите, а вы давно знакомы с Дмитрием Сергеевичем? – спросила я.

– Вовсе не знакомы, – пожал плечами Иванилов.

– Значит, инспектировать ваш ресторан он ни разу не приходил, не так ли? – предположила я. – И имя Верейского вы знаете исключительно понаслышке?

– Почему это понаслышке? – удивился Иванилов. – Приходил он к нам, лазил тут во все дыры, осматривал все, что можно и что нельзя осмотреть. Только, видите ли, – заметил он с едкой иронией в голосе, – от неизбежного в нашем деле обхаживания толстомордого чинуши до истинного знакомства – дистанция огромного размера!

Я понимающе кивнула. Несмотря на свою крайнюю неприязнь к Иванилову, я не могла не признать, что в данном случае он, пожалуй, прав.

– Не скажете, личные враги у него были? Кто мог бы желать его смерти?

– Да откуда ж я могу знать? – хозяин ресторана покачал головой. – Я же говорю, наше общение в личном плане равнялось нулю

– А много недостатков нашел Верейский в вашем ресторане? – это спросил Гурьев.

– Да ну! – Иванилов скривил гримасу досады. – Дохлого таракана в сортире нашел, разорался, почему дезинсекцию не проводим.

– Когда это было?

– С неделю назад, – Иванилов пожал плечами. – А что?

– Ничего! – бодро сказал Валера Гурьев. – Времени, чтобы все продумать и приготовить, прошло достаточно.

– Чего? – протянул хозяин ресторана и расхохотался. – Вы воображаете, что это я все устроил, да?

– А почему нет? – возразил Гурьев. – Возможность для этого у вас была.

– У меня? – Иванилов смотрел на нас с нескрываемым весельем.

– Ну, не у вас лично, так у вашей жены, – заметил Валерий. – Она же готовила все, что ел санитарный врач, так что подсыпать яд могла запросто.

– Так, – сказал Иванилов, внезапно становясь серьезным. – И это все из-за одного дохлого таракана, да?

– У вас вполне могли быть более серьезные мотивы, – сказала я. – Или у вашей жены. Вы вместе, или одна только она, могли совершить убийство по чьему-нибудь заказу, в вашем положении убить санитарного врача незаметно очень даже удобно. Вы говорите, ваша жена куда-то ушла из дома сегодня рано утром? Это выглядит очень странно.

– Нет, вы точно спятили, – Иванилов пристально поглядел мне в глаза. – И если вы вчера вечером приставали к Верочке точно с такой же ерундой, понимаю, почему она вернулась домой в таком состоянии. Уж не знаю, зачем вы с такой энергией копаетесь во всей этой грязной истории, что вами при этом движет, – продолжал он. – Однако хотите совет?

– Очень хотим, – сказала я. – За советом в том числе мы к вам и пришли.

– Так вот, – сказал Иванилов. – Если вы хотите действительно найти виновного в смерти санитарного врача, не ищите его среди работников ресторанов, только зря кучу времени потратите. Именно потому, что мотив этот кажется таким очевидным, едва ли кто-нибудь из нас, работников ресторанов стоит за совершенным убийством.

– Какие интересные парадоксы вы нам тут втолковываете, – заметил иронически Гурьев.

– А жизнь вообще довольно-таки парадоксальная штука, – сказал Иванилов. – Понимаете, ни один нормальный человек из-задохлого таракана убивать не будет. А более веская причина для неприязни у нас тут едва ли найдется. А что же касается, как вы выразились, убийства по заказу, мне и сказать-то нечего, это уж, извините, чистый бред!

В этот момент один из строителей, долго маячивший на пороге кабинета, решил наконец войти, и хозяин ресторана «Кристина» тут же затеял с ним какой-то хозяйственный разговор, казалось, позабыв о нашем присутствии. Мы с Валерой поняли это как намек на то, что разговор окончен и нам пора проваливать. Поэтому, не говоря Иванилову на прощание ни слова, мы с Валерой поднялись со своих мест и покинули кабинет директора, а затем и сам ремонтирующийся объект, хозяин которого, как нам в тот момент думалось, вел себя с нами исключительно по-хамски.

Оказавшись на улице, мы некоторое время шли молча, словно без цели. Наконец Гурьев разомкнул уста:

– Я даже не решаюсь спросить тебя о впечатлении от состоявшегося разговора.

– Да уж какое тут впечатление, – со вздохом ответила я. – На убийцу Верейского он очень даже похож, и повод для совершения преступления у него вместе с его женой явно был. С другой стороны, логически он прав: из-задохлого таракана людей не убивают.

– Остается одна версия – убийство по заказу, и лично я понятия не имею, как ее проверить, – вторил мне Валера Гурьев. – Однако этот тип с санэпидстанции настойчиво советовал нам искать убийцу среди ресторанных работников. Так что, Ирина, доставай свой список адресов. Кто там следующий на очереди?

На очереди был ресторан «Эдельвейс», и, чтобы добраться до него, нам пришлось сесть в автобус и проехать несколько остановок. Однако нас ждало разочарование. Ресторан мы нашли, но вся территория вокруг него выглядела крайне запущенно: повсюду, точно на помойке, валялись банки из-под пива и пластиковые бутылки, из трещин в асфальте пробивалась зеленая травка, неоновая вывеска была изуродована и частично разбита, огромные ресторанные окна наглухо заделаны ставнями из толстой листовой стали, а дверь упрятана за стеной из грубо сколоченных неструганых досок и совсем, как в ресторане «Кристина», забрана прочной решеткой, только не распахнута настежь, а наглухо приварена к креплениям в стене.

– Да уж, нормально! – сказала я, рассматривая толстые ржавые прутья решетки. – Ресторан закрыт, причем, похоже, что всерьез и надолго. Нам капитально не везет сегодня.

– Зачем тогда этот тип с санэпидстанции дал нам этот адрес, если тут все закрыто? – спросил с досадой Валерий.

– Не знал, наверное, – робко предположила я.

– Конечно, не знал, – пробурчал Валера. – Сам, наверное, и закрыл.

– Ну? Что теперь делать?

Ответа на свой вопрос я не получила. Уныло в растерянности потащились мы прочь от заброшенного «Эдельвейса», мною овладело ощущение полной безвыходности из создавшегося положения.

Субботный день выдался невероятно жарким, как и все предыдущие за последние три недели, небо покрывала какая-то мерзкая мутная белесая дымка, но солнце, просвечивая сквозь нее, припекало нестерпимо, находиться под его прямыми лучами не было никакой возможности. Поэтому мы с Валерием почувствовали несказанное облегчение, зайдя в небольшой тенистый скверик, расположенный посередине шумной, оживленной улицы. В скверике даже нашлись лавочки, на одну из которых, расположенную в густой тени раскидистого клена, мы с Валерой с удовольствием плюхнулись, ощущая, как овекает легкий прохладный ветерок наши перегревшиеся на солнце тела.

– Знаешь, в каком-то смысле это даже логично, – сказала я. – Константин Георгиевич дал нам адреса ресторанов, пострадавших от проверок санэпидстанции. Неудивительно, что после тех санкций, что были на них наложены, дела в заведениях идут не блестяще, а некоторые из них вообще обанкротились и закрылись.

– Согласен, – ответил Валера, удобно развалившись на жесткой парковой лавке. – После того как все проверяющие их изрядно пощипали, эти рестораны на хрен поразорились. Только ни за что не поверю, что твой Константин Георгиевич ничего не знал про это. А если знал, скажем, зачем послал нас сюда? Голые стены, что ли, должны мы были расспрашивать?

– Между прочим, у меня остался последний адрес, – сказала я. – Давай уж съездим и туда.

– Ну-ка, ну-ка, – Валерий даже приподнялся на лавке, – интересно, что это за ресторан? Посмотрев на мою бумажку, он разочарованно присвистнул.

– Ты знаешь, где это? – спросил он. – Это же самая окраина. Мы туда быстро ни за что не попадем и как следует всех не успеем порасспросить до четырех часов: если не забыла, у нас встреча в милиции с Надеждой Андреевой.

– Нет, я не забыла, но, по-моему, у нас впереди еще уйма времени.

На моих часах было только начало двенадцатого, и в самом деле времени полно, если только часы мои не стоят. Я поднесла их к уху: так и есть, опять никакого тиканья, тихо, как в могиле.

– Сейчас без десяти два, – уточнил Валерий, – и времени у нас... Если ждать, то много, если куда-то ехать – так совсем нет. А что у тебя с часами?

– Понимаешь, на них нет секундной стрелки, и что они стоят, замечаешь, только когда они вместо нормального времени показывают черт знает что.

– И часто они у тебя останавливаются? – спросил Валерий.

– Да нет, вот сейчас я их встряхнула, и они пошли, – обрадовалась я, вновь услышав тиканье.

– Хорошие, красивые часы, – заметил Валера, разглядывая их позолоченный корпус и изящный, тоже позолоченный браслет. – Давно они у тебя?

– Да прилично, – заметила я, подводя стрелку, ставя правильное время. – Подарок на совершеннолетие от одной университетской подруги.

– Ну, тогда не обижайся на них, они тебе хорошо послужили, – заметил Валера. – Столько лет верой и правдой!

– Но теперь-то что с ними случилось, что они то и дело останавливаются?

– Да мало ли! – усмехнулся мой коллега. – Может быть, механизм надо почистить, может быть, ты как-то рядом с магнитом их подержала – механические часы от такого портятся. А может, просто отслужили свое. Вещам, как и людям, каждой свой срок службы отпущен, ни больше ни меньше.

Выслушав Валерину тираду, я с сожалением посмотрела на свои позолоченные часики, которые, судя по всему, и правда пришла пора выбрасывать.

– Как бы то ни было, – сказала я, – если мои часы теперь не врут, и сейчас почти два часа пополудни, то у нас остается уйма времени, которое совершенно некуда девать. Я подумала,

чем сидеть здесь просто так, может быть зайдем вон в то кафе? Есть по такой жаре не хочется, но хотя бы выпьем чего-нибудь прохладненького.

С нашей лавочки было видно «стекляшку», стоявшую невдалеке посредине скверика. Сквозь широкие окна мы разглядели, что кафе в этот час пустовало, а за его стойкой дремала пожилая буфетчица. Недолго думая, мы поднялись с лавочки и побрели в это кафе.

Внутри там оказалось жарко и душно, но мы все-таки сели за столик и попросили Валере пива, а мне апельсинового сока, мороженого и по небольшой булочке с маком. Некоторое время мы молча и сосредоточенно жевали, вдруг осознав, что даже в такую жару организм требует пищи, а без нее функционировать никак не желает. Пожилая буфетчица, без лишних слов обслужив нас, снова уселась на свое место за прилавком и будто бы задремала.

– Кстати, – заметил Гурьев, – пока есть время, давай продумаем, о чем мы будем спрашивать Надежду Андрееву. Ты же знаешь, майор Белоглазов не зверь, но долго с ней беседовать он не позволит.

В кафе было очень тихо, каждое наше слово отдавалось по всем его углам, однако, видя полное безразличие и апатию продавщицы, мы говорили не слишком тихо, как у себя дома.

– В первую очередь нам нужен точный список работников ресторана, – сказала я. – Нужно иметь в виду, что один из них убийца.

– И он должен быть как-то связан с Верейским, – заметил Валерий. – По этой связи мы сможем его вычислить.

– Вопрос в том, как выявить эту связь. Наверняка сделавший это постарается свою связь с Верейским не афишировать.

– Но Надежда Андреева может об этом знать.

– Может, – согласился Валера. – Пожалуй, это хорошая мысль. Лучше, чем то, что предлагает нам твой Константин Георгиевич: опрашивать владельцев ресторанов, чьи заведения обанкротились и закрылись.

– Но ведь не все рестораны обанкротились, – возразила я. – «Кристина», например, оказалась просто закрытой на ремонт.

– Вот именно, просто закрытой на ремонт, – грустно согласился Валерий. – У меня, между прочим, из головы не выходят слова Иванилова о том, что не следует искать убийцу среди его коллег, только зря время потеряем.

– Может быть, он просто своих выгораживал? – предположила я.

– Возможно, – кивнул Валера. – Только сама подумай, твой Маслин в понедельник подсунет нам новую пачку адресов ресторанов, и мы снова вынуждены будем ехать их проверять. И так до бесконечности! Этих заведений в городе несколько десятков, с владельцем каждого нужно будет беседовать, раскручивать на треп, каждый будет отпираться, говорить, что ничего по этому делу не знает, и в девяноста девяти процентах из ста это будет правдой. Мы так ничего и не узнаем!

– Ну почему? – не сдавалась я. – В конце концов, это тоже ниточка.

– Ниточка, за которую слишком долго тянуть! – усмехнулся Валера. – Кстати, – он кивнул в сторону дремавшей за стойкой буфетчицы, – можешь начинать с нее. Кафе, это, конечно, не ресторан, но тоже учреждение общепита, и наш санитарный врач наверняка их тоже не раз посещал. Вон сидит работница одного из таких кафе, иди, спроси у нее, знает ли она что-нибудь о Верейском и его недругах...

Продавщица кафе, до сих пор мирно дремавшая под наш разговор, вдруг, видимо, услышав, что речь зашла о ней, подняла голову и стала пристально вглядываться в наш угол.

– Вэрэйский? – вдруг переспросила она. Ее произношение много больше, чем внешность, выдавало ее кавказскую национальность.

– Да-да, Дмитрий Сергеевич, – поспешно ответила я. – Это санитарный врач городской санэпидстанции. Не вспомните, бывал он у вас здесь когда-нибудь?

– Знакомое имя, – кивнула буфетчица. – Кажется, Вугар пару раз называл его. Сейчас спрошу. Вугар! – позвала она громко. Дальше последовал короткий диалог на одном из кавказских языков, откуда одно только имя Верейского мы и сумели уловить.

На возглас буфетчицы из глубины кафе показался молодой мужчина, вовсе не усатый и не обросший жесткой черной щетиной на щеках, как традиционно мы представляем себе «лиц кавказской национальности». Впрочем, достаточно смуглый и черноволосый, худощавый, небольшого роста. Он неприветливо посмотрел на нас, сидящих за столиком, потом стал что-то быстро вполголоса говорить буфетчице, раздражаясь с каждой фразой все больше, а та что-то отвечала ему, все более извиняющимся тоном. Мы напрасно ждали объяснений. Выговорившись, мужчина удалился, и продавщица последовала за ним.

Мы остались сидеть в пустом кафе перед пустыми стаканами из-под пива и апельсинового сока в полной растерянности, не зная, как понимать этот уход. Ждать, впрочем, пришлось недолго. Откуда-то из чрева кафе появился другой персонаж, тоже мужчина, но немалого роста, крепкого телосложения и с рязанской, а не кавказской физиономией.

– Так, ребята! – сказал он решительно. – Поели, попили? Прошу на выход!

– Но мы бы еще посидели!..

Дядечка несколько смутился, глядя на меня.

– Я извиняюсь, конечно, – сказал он. – Хозяин приказал вас выпроводить, не знаю уж, что на него нашло. Ничего не могу поделать.

И он широким жестом пригласил нас встать и пройти к выходу. Так мы оказались снова в жарком пекле.

– Ничего, Ирина! – усмехнулся Валерий, с натянуто бодрым видом шествуя рядом со мной по дорожке не слишком тенистого бульвара посреди улицы. – Все равно нам пора было уходить.

– Однако нас выгнали, как последних придурков, за два дня уже второй раз подряд, – заметила я уныло. – Ей-богу, это становится просто интересно!

– И будь я проклят, – промолвил мой спутник, – если эти кавказские хозяева кафе не знают о Верейском чего-то очень интересного, чего и нам с тобой не мешало бы знать.

Времени дискутировать особенно не было, скорым шагом мы направились к зданию областного УВД, где нас ждала встреча с Надеждой Андреевой.

* * *

Мы прибыли в кабинет майора милиции Белоглазова как раз вовремя – без четверти четыре. Майор кивнул нам как старым знакомым – еще бы, столько дел вместе пораскрывали!

В кабинете он оказался не один: на стульях у стены сидели еще двое мужчин.

– Вот, кстати сказать, знакомьтесь, – представил Белоглазов. – Это адвокат Андреевой, Александр Петрович Волков. А это – ее супруг.

Адвокат Надежды Андреевой выглядел совсем еще зеленым, почти мальчик, явно недавний выпускник Академии права. Он едва кивнул, отвечая на наше приветствие, потом отвернулся в сторону, приняв безучастный вид. Мне стало еще больше беспокойно за судьбу хозяйки «Олененка», находившуюся в руках начинающего юриста.

Супруг Надежды Андреевой был среднего роста, в очках, интеллигентного вида, заметно нервничавший в кабинете майора милиции: очевидно, вся эта история производила на него весьма тягостное впечатление. Отвечая на наше приветствие, он поднялся со своего стула, вежливо поздоровался со мной, обменялся рукопожатием с Валерием Гурьевым.

– Андрееву сейчас подвезут, – объявил майор. – Так что подождем немного.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в дверь постучали и после этого, не дожидаясь разрешения войти, в кабинет майора ввели Надежду Алексеевну. Я не без замирания сердца ожи-

дала ее появления. Как она выглядит теперь, после суточного пребывания в СИЗО? Впрочем, вид хозяйки ресторана меня немного успокоил. Внешне она почти не изменилась за прошедшую ночь, может быть, только она чуть осунулась, темнее стали тени под глазами, обозначились впадины на щеках. Волосы по-прежнему были собраны в тугой узел на затылке, отчего на секунду мне показалось, что она острижена наголо, Впрочем, это жуткое впечатление вскоре исчезло.

По тому, как Надежда Андреева вошла, как села, прямо и ровно, на предложенный стул возле стола майора, я поняла, что воля хозяйки ресторана «Олененок» не сломлена, и она держится молодцом. Из нас, присутствующих в кабинете, никто не пошевелился при ее появлении, и сидели, замерев, боясь хоть одним движением проявить переполнявшие нас эмоции. И только двое конвоиров, мужчина и женщина, абсолютно спокойно уселись на стулья.

Краем глаза я видела, что Юрию, супругу Надежды Андреевой, дается это свидание особенно нелегко, руки его постоянно были в движении, словно не находили себе места, а губы то и дело подрагивали.

– Надеюсь, вы понимаете, Ирина Анатольевна, – начал майор Белоглазов, – что я иду на грубейшее нарушение закона, позволяя вам присутствовать на этом допросе. Но тем не менее я делаю это исключительно вследствие давнего нашего с вами знакомства и памятуя о той огромной помощи, которую вы не раз оказывали милиции в раскрытии тяжких преступлений.

– Огромное, огромное вам спасибо! – поспешила поблагодарить я майора.

– Ну, за спасибо сыт не будешь, – заметил он философски. – А вот зачем вам понадобилось копаться в этом деле, ей-богу, не понимаю. Дело совершенно ясное, улики против подозреваемой неоспоримы, вина ее полностью доказана.

– И она призналась в совершении убийства? – спросила я не без замиранья сердца.

– Нет, – майор пожал плечами. – Но это вопрос времени. Понимаете, эти два факта, что яд триметил-пропил...

– Как-как называется яд? – бесцеремонно перебила я майора. До сих пор я слышала только Валерину пародию на это название, теперь же очень хотела узнать, как он называется в самом деле.

– Так, сейчас я посмотрю в протоколе, – сказал майор. – Трихлорметилпрапеллиновая кислота, – прочитал он. – Вам это для чего-то нужно?

Я и сама не знала, нужно это мне или нет. Однако, достав из сумочки записную книжку, внесла туда мудреное название, на всякий случай попросив майора еще раз точно, по слогам повторить его.

– Так, – сказала я, желая непременно держать руку на пульсе этого разговора. – Прежде всего необходимо выяснить, кто именно подсыпал яд. Надежда Алексеевна, нам нужна информация обо всех работниках вашего ресторана!

– Думаете, это сделала не она сама, а кто-то из ее подчиненных, персонала ресторана? – переспросил майор, бесцеремонно не давая хозяйке ресторана и рта открыть, и, говоря о ней в третьем лице, будто не присутствовала Надежда Андреева собственной персоной тут же в кабинете. – Вы все фантазируете, Ирина Анатольевна, все фантазируете, без опоры на факты. А факты, я вам скажу, упрямая вещь. И согласно им, вина Андреевой неоспорима и полностью доказана, даже если это не она подсыпала яд, так сказать, собственноручно.

В этот момент зазвонил телефон, и бравый майор вынужден был заткнуться и взять трубку.

– Майор Белоглазов. Так... Ну? Да ты что! – и глаза его радостно заблестели. – Еду немедленно!

Он вскочил с места, но, вспомнив про нас, растерянно посмотрел вокруг.

– Так! – сказал он. – Наш допрос пока придется отложить, меня вызывают на место происшествия!

– Ну ничего себе! – воскликнул адвокат. – Мы же только начали, еще ни одного вопроса не успели задать!

– Нет, майор, так не пойдет! – поддержал адвоката Гурьев. – Ты же обещал, что дашь нам возможность нормально поговорить с хозяйкой ресторана. А теперь у тебя там какая-то халтура, и все, значит, отменяется, допрос переносится, на какое время, неизвестно!

– Да вы понимаете! – майор начал багроветь. – Речь идет о раскрытии важного преступления! Женщина-алкоголичка зарезала по пьянке своего сожителя, до сих пор решительно отпиралась в содеянном, но теперь вот в колодце около дома нашли нож, которым она это сделала. Ничего не поделаешь, я должен ехать, во всем убедиться своими глазами!

– А то нож в колодце заржавеет, – пробормотал себе под нос Валерий.

– Да вы что, думаете, вы одни тут у меня с вашим убийством, да? – майор был уже сильно на взводе. – Я должен ехать, понятно? И я поеду!

– Ну и поезжайте! – сказала вдруг женщина-конвоир. – А мы тут и сами управимся. Последим за порядком, чтобы никаких нарушений закона не было. Андреева у нас спокойная, никаких бесчинств не устроит.

– Да, поезжайте! – кивнул мужчина-конвоир. – Мы отвечаем за порядок.

– Ну, тогда... – Белоглазов все еще колебался. – Ладно! – сказал он решительно. – Поверю я вам, так и быть. Но чтобы не засиживались тут, понятно? А как закончите, доставите подследственную обратно в СИЗО.

– Не беспокойтесь, товарищ майор, все будет нормально, – ответила женщина-конвоир. И майор Белоглазов направился к выходу.

Едва только дверь за ним закрылась, Андреева вдруг судорожно вскочила и с плачем бросилась мне на шею, прижавшись головой к моей груди.

– Боже мой, – восклицала она сквозь рыдания. – Хорошо хоть вы не верите, что это я все устроила!

Супруг Надежды поспешил к ней, бережно взял за плечи и стал бормотать что-то вроде: «Надя, не надо!» – пытаясь унять ее рыдания. Оба конвоира сидели на своих местах с невозмутимым видом, словно египетские статуи.

Мне уже не раз доводилось играть роль жилетки, в которую удобно поплакаться, и эта роль всегда получалась у меня с блеском. Успокоив Надежду Алексеевну и снова усадив ее на стул, я решила, что пора приступить к вопросам.

– Видите ли, Надежда Алексеевна, – начала я, – майор Белоглазов прав, положение ваше и впрямь очень сложное.

– Я знаю, – сказала она, нервно вытирая глаза платком. – Кто-то подставил меня во всей этой истории. Только ума не приложу, кто и зачем.

– Это как раз нормально, – сказал Гурьев. – Тот, кто вас подставил, постарается остаться в тени. Но выйти на него можно только через непосредственного исполнителя преступления, того, кто подсыпал яд.

– Надежда Алексеевна! – сказала я. – Скажите, вчера в вашем ресторане, кроме нас, были еще какие-то посторонние люди, кого вы почти не знали и кто не являлся работником ресторана?

Хозяйка «Олененка» некоторое время озадаченно смотрела на меня.

– Нет, – произнесла она наконец твердо, – никого из посторонних. Были только свои.

– Тогда яд подсыпал кто-то из ваших хороших знакомых, – констатировал Валерий, а Надежда Андреева посмотрела на него с ужасом.

– Понимаете, – сказала я, – тот, кто это сделал, должен был хорошо знать, какое из блюд кто будет есть. Иначе мы бы тоже отравились вместе с Верейским.

– Ведь были же блюда, которые ел только санитарный врач, – заметил Валерий. – Вы помните, что это было?

– Конечно, помню, – сказала Надежда Андреева убежденно. – Вы понимаете, эта история у меня из головы не выходит, я все пытаюсь понять, как же это могло произойти.

– Тот, у кого была возможность подсыпать яд в одно из таких блюд, наверняка и был убийцей, – сказал Гурьев.

– Например, у официанта Сережи, угостившего санитарного врача стаканом вина, такая возможность тоже была, – заметила я.

Надежда Андреева посмотрела на меня испуганно:

– Сережа? Да вы с ума сошли!

– Ну а почему вы так уверены, что ваш официант не был исполнителем убийства? – спросил Валерий строго. – Возможность для его совершения у него была превосходная.

– Послушайте, Сережа из бедной, но очень приличной, интеллигентной семьи, – воскликнула Надежда Андреева убежденно. – Я ни за что не поверю, что он способен на такое.

– Из интеллигентной, это, конечно, серьезно! – Гурьев саркастически усмехнулся. И, в сущности, был прав. Мало ли матерых преступников выходит из самых что ни есть интеллигентнейших, культурнейших семей?

– А Вера Семеновна, ваш шеф-повар? – спросила я. – В ней вы тоже уверены?

– Тоже уверена! – гордо сказала Надежда Андреева. – Мы давно дружим семьями.

– Однако ведь именно она готовила свое знаменитое крем-брюле, – заметила я. – А потом очень настойчиво уговаривала санитарного врача попробовать лакомство!

– Но... – хозяйка «Олененка» в полной растерянности смотрела на меня. – Ведь это же безумие! Зачем было Верочке убивать Верейского?

– Да если бы мы знали! – с грустью констатировала я. – В отношении мотивов совершенного преступления у нас только одни пустые догадки.

– Еще остается жаркое с брынзой, – заметил Валерий. – Кто его готовил?

– Такие блюда готовят три или четыре повара сразу, – ответила Надежда Андреева. – И все они друг у друга на виду. Не представляю, как мог бы один из них подсыпать яд так, чтобы другие ничего не заметили.

– Ну, при определенной ловкости рук это не так уж сложно, – сказала я.

– Не думаю! – сухо возразила Андреева.

– Но как-то яд попал в пищу? – воскликнул Гурьев в каком-то ожесточении. – И в брюхо санитарному врачу, и в пробы, что пошли на санэпидстанцию. Спрашивается, как?

Мы все в растерянности молчали, не зная, что и думать. Сидя на стуле рядом с Валерой, я никак не могла отделаться от ощущения, что какой-то мелкий, но очень важный фактик постоянно выпадает из поля нашего зрения. Незначительный, но решающий факт, вспомнив который, мы могли бы многое понять. Что же это за факт?

– А кстати, – подняла на меня глаза Надежда Андреева, – в какой именно пробе нашли яд? Не мог же он оказаться во всех сразу!

– Конечно, не мог, – согласилась я. – Это означало бы, что и мы неминуемо должны были бы отравиться, как и Верейский.

– Вот именно, – кивнула Андреева. – Это очень важно! Зная его, вы могли бы искать более конкретно. Я у майора спрашивала, но он отказался мне что-либо рассказывать, сказал, тайна следствия.

– Это, кстати сказать, нетрудно выяснить! – самоуверенно заявил молчавший до сих пор адвокат. – Вон у майора лежит на столе уголовное дело Надежды Андреевой, сейчас мы туда заглянем и все узнаем.

Он и впрямь встал со стула и направился к заваленному бумагами столу майора Белоглазова, но его остановил окрик женщины-конвоира:

– Так! На столе ничего не трогать! – Адвокат испуганно вздрогнул, остановился. – К рабочему столу не подходить, ни к чему находящемуся на нем не касаться!

Адвокат выглядел от этого окрика совершенно подавленным.

– Послушайте, во-первых, вы не имеете права на меня так орать, – начал было он.

– Ошибаетесь, имеем, – сухо возразила женщина-конвоир. – Мы отвечаем здесь за порядок, и в случае его нарушения имеем право применять к вам самые разнообразные меры воздействия.

– Но я по закону имею право на доступ к материалам следствия!

– Имеете, – согласилась конвоир. – Но только с ведома и под контролем следователя.

Адвокат в полной растерянности оглянулся на нас, как бы ища поддержки. Но чем мы могли ему помочь? Я почти физически ощущала, как снова воздвигается стена на пути к важным фактам, ведущим к разгадке смерти санитарного врача. За последние сутки подобное случалось не раз, и я уже не расстраивалась по этому поводу, не возмущалась, чувствуя лишь смертельную усталость от всего этого.

– Так не сидите же вы молча, – сказал мужчина-конвоир. – От вашего свидания осталось всего десять минут.

Я вздрогнула, внутренне напряглась. Так мало времени, а мне еще столько нужно спросить у Андреевой.

– Надежда Алексеевна, вы не расстраивайтесь, мы этот вопрос проясним, – сказала я торопливо. – Правда, Валера?

– Конечно! – заявил тот самоуверенно. – Я с майора живым не слезу, пока он не скажет мне, в какой именно пробе обнаружили яд.

– Можно еще на санэпидстанции попробовать узнать, – сказал Юрий, муж Надежды Андреевой. – В лаборатории-то делали...

– Там не скажут, – уверенно заявил адвокат. – На всех результатах анализов ставится гриф ДСП – для служебного пользования. А за разглашение сотрудникам полагается административная ответственность.

– Да уж, – сказал Гурьев, саркастически скривил губы. – Тогда остается только наш майор.

Один из конвоиров снова глянул на часы, что недвусмысленно напомнило нам, как летит наше время. Поэтому я поспешила обратиться к хозяйке «Олененка» с последним вопросом:

– Надежда Алексеевна, боюсь, что нам очень понадобится полный список работников вашего ресторана, в первую очередь тех, кто был вчера днем во время нашего злосчастного обеда. Где мы могли бы раздобыть такой список, где были бы полностью имена, фамилии, занимаемые должности, домашний адрес, телефон?..

– В ресторане, в моем кабинете, – ответила Андреева. – Только я не знаю, Юра, можно туда сейчас попасть?

– Никоим образом, – покачал тот головой. – Там все наглухо опечатано. Только зачем вам туда попадать? – повернулся Юрий к нам. – Вся документация, немного денег, что оставалось в сейфе, мы с Верочкой переправили к нам домой.

– Серьезно? – обрадовался Валерий. – И можно на это на все взглянуть?

– Что ж, взгляните, если хочется, – со вздохом сказала Надежда Алексеевна. – Хотя не представляю, что вы там отыщете нового.

– Все, разговор окончен! – Женщина-конвоир объявила это таким гестаповским голосом, что я вздрогнула. – Подследственная Андреева, встаньте и следуйте за нами!

Они и в самом деле повели Надежду прочь из кабинета, не обращая внимания на задрожавшие губы и руки ее супруга. Минуту мы оставались в кабинете одни, но тут же появился дежурный офицер УВД, пригласивший нас оттуда выйти, и тут же повернул ключ в замке.

Теперь уже вчетвером мы опять оказались на жаре, в этот вечерний час лишь немного ослабевшей. И вдруг меня словно осенило: мой Володька дома рвет и мечет, наверное, ужасно злой, что я опять надолго запропастилась, отчего очередной совместный поход на пляж теперь

уже сорвался. Но мы с Валерой непременно должны были пойти с Юрием домой к Андреевым – посмотреть списки работников ресторана «Олененок». Упустить эту возможность, которая могла привести нас к разгадке тайны, мы не имели права.

Едва выйдя из здания областного УВД, адвокат Андреевой кивнул нам на прощание и пошел к своей припаркованной невдалеке машине. Я же, Валерий и Юрий отправились на остановку автобуса, потому что, как оказалось, хозяйка ресторана «Олененок» жила со своей семьей у черта на куличках, где-то на окраине, в самом непрестижном районе города.

* * *

При виде списка работников, высвеченного на экране домашнего компьютера в квартире Андреевых, у меня на душе стало вдруг уныло и тоскливо. В штате персонала ресторана значилось двадцать семь человек, из них по меньшей мере двадцать были вчера на своих рабочих местах.

– Два десятка, ни хрена себе! – проговорил глядевший из-за моего плеча Валера Гурьев. – И что, ты собираешься с ними со всеми беседовать?

– Понятия не имею, – ответила я со вздохом. – По логике вещей, надо бы!

Я растерянно переводила взгляд с экрана монитора на листок своей записной книжки, куда собиралась переписать все двадцать имен.

– А знаете, вы не переписываете все сразу, – догадавшись о моих сомнениях, сказал супруг хозяйки. – Запишите несколько, а потом, как вы с ними побеседуете, перепишите остальных.

Я именно так и сделала, причем первым в мой список попало имя официанта Сергея. Однако на душе все равно было тяжело.

– Спасибо вам огромное! – Юрий проводил нас к выходу из квартиры. – Я понимаю, дело безнадежное, но все равно для Нади такая поддержка ваш визит к ней!..

Я опешила от таких слов.

– А почему вы так убеждены, что ее положение безнадежно? – спросила я, чувствуя, как в душе моей зашевелились противные сомнения.

– Знающие люди говорят, – грустно ответил супруг Надежды.

– Если не секрет, что это за знающие люди? – не унималась я. – Уж не этот ли мальчик, у которого еще молоко на губах не обсохло, – адвокат?

– А, Саша – нет! – Юрий грустно улыбнулся. – Тот, кроме Уголовного кодекса да пары инструкций Минюста, о деле еще ничего не знает.

– А кто тогда вам это сказал? Тот самый человек, к которому шеф-повар Вера Семеновна сегодня ездила рано утром?

Юрий в изумлении вытаращил на меня глаза.

– А вы откуда знаете?

– Иванилов рассказал, – ответила я преспокойно. – И мне бы очень хотелось знать, что это за человек.

– Понимаете, – поддержал меня Гурьев, – не у милиции, а у нас против шеф-повара появились очень серьезные подозрения. Потому что отравить санитарного врача ей было проще всех.

Некоторое время супруг Андреевой смотрел на нас испуганно, потом вдруг нахмурился, кивнул и сказал сухо, отчужденно:

– Ну да, Верочка мне сегодня жаловалась, что вы ее чуть до инфаркта не довели своими подозрениями.

– Так, значит, вы вместе ходили к тому или той неизвестной, так, что ли?

– Да, вместе! – неожиданно резко, с вызовом сказал Юрий. – И этот, неизвестный, как вы изволили выразиться, не кто иной, как заместитель прокурора области.

– Ого! – воскликнул Валерий Гурьев. – И вы с ним лично знакомы?

– Да, даже дальние родственники!

– И он вам сказал, чтобы насчет Надежды Андреевой вы не рыпались: с такими уликами, как у нее, можно считать, что она уже прописана в колонии строгого режима?

Тяжело дыша, муж хозяйки ресторана уставился на нас.

– Вы, собственно, к чему это все ведете? – спросил он наконец.

– Довольно темная это история, вот что, – философски заметил Гурьев. – И создается такое впечатление, что, если Андрееву упрячут за решетку, ее родственников и знакомых очень даже это устроит. Хотя им и жалко ее до чертиков, конечно, тоже.

– Вы бы шли по-хорошему отсюда, а? – вдруг изрек муж Надежды Алексеевны. Я от этих слов буквально вся похолодела, но наш криминальный репортер, казалось, ничуть не удивился.

– Верно, – сказал он. – Пошли отсюда, Ирина, ничего интересного все равно нам здесь больше не скажут.

Мы снова оказались на улице, потащились к остановке, чтобы ехать обратно в центр города. Тем временем сумерки сгустились настолько, что приходилось внимательно смотреть себе под ноги, чтобы поминутно не спотыкаться на ухабистом тротуаре городской окраины. Я подумала, что, пожалуй, следует отругать Валерия за то, что он испортил нам отношения с мужем Надежды Андреевой, и теперь не только за новыми фамилиями работников ресторана, с элементарнейшим вопросом к нему не сунешься. Но не было настроения говорить об этом, дикая усталость после суматошного дня давила, сковывала язык. Однако Валерий чувствовал себя иначе.

– Ничего, Ирина, не расстраивайся, – успокоил он. – С этими фамилиями все равно все глухо, я уверен.

– Серьезно? – спросила я его не без сарказма. – У тебя так много ниточек на выбор, что можно безжалостно рвать одну из них?

– Да нет, где там много, – вздохнул он устало. – Признаюсь, не часто ощущал я вокруг какого-либо преступления такую плотную завесу тайны. Главное, зацепиться совершенно не за что.

– Может быть, мы просто не там ищем зацепки? – предположила я. – Мне кажется, искать нужно не в ресторане Надежды Андреевой, а в окружении санитарного врача. Между прочим завтра его похороны. Может быть, ты все-таки составишь мне компанию и сходим вместе?

Вид у Гурьева снова сделался крайне смущенным и растерянным.

– Может быть, ты все-таки избавишь меня от этого печального зрелища? – сказал он. – Признаюсь, терпеть не могу похорон.

– Я, что ли, их люблю? Ладно уж, пойду с Володькой. Он меня, надеюсь, не бросит, супруг все-таки. А пойти на эти похороны необходимо, нельзя упускать такой шанс познакомиться с семьей Верейского.

Стоявший рядом и терпеливо ждавший автобуса Валерий больше не противоречил мне.

Глава 6

Дующий из Казахстана юго-восточный ветер пригнал облачность, и воскресным утром в день похорон санитарного врача было пасмурно. Облака стояли высокие, странного грязно-желтого цвета, будто пропитанные глинистой пылью, однако яркое летнее солнце без труда просвечивало сквозь них. Впрочем, к полудню они сгустились, потемнели, и, к моему великому изумлению, из них закрапал легкий моросящий дождик. Признаюсь, никак не ожидала этого явления природы сегодня, после многих недель жары и суши.

Мы с Володькой, никем не замеченные, стояли в толпе совершенно незнакомых людей, собравшихся на гражданскую панихиду по Верейскому. Из-за жары панихида проходила на открытом воздухе, где всех присутствующих и накрыл этот неожиданный летний дождик, мелкие и теплые капли которого тем не менее падали на открытые части тела, вызывая какое-то неприятное содрогание. Зонтика с собой, разумеется, никто захватить и не подумал.

– Смотри, погода оплакивает твоего санитарного врача, – заметил вполголоса стоящий рядом муж. – Что, он был очень хорошим человеком, да?

– Не знаю. – На этом траурном мероприятии мне было как-то не до иронии моего драгоценного супруга. – Говорят по-разному. Я-то сама ведь и видела его только раз, перед самой его гибелью. Как я могу знать?

– С твоей стороны было очень любезно вытащить меня сюда, на эту траурно-триумфальную тусовку, – не унимался Володька. – Посреди текучки повседневности, всяких там приемных экзаменов да походов на пляж маленькое *memento mori* очень даже освежает.

Я ничего не ответила. Знала, что если моего драгоценного супруга понесло на ехидства, никакими просьбами и увещеваниями его не остановишь.

– Не очень-то было любезно, – продолжал он, – заставить меня вчера снова в одиночестве торчать на пляже. Во-первых, скучно, во-вторых, надоедает отбиваться от желающих познакомиться со мной дам бальзаковского возраста.

– Так это из-за разочарования пляжем избавил ты меня сегодня от необходимости дегустировать твое очередное кулинарное фиаско?

– Сегодня мне не повезло, – сказал грустно Володя. – Я хотел сделать мороженое-эскимо, и был у меня очень хороший рецепт... Меня угощали приготовленным по нему мороженым, это объедение. Но молоко от кипячения свернулось, пришлось все это дело выбросить. Довольно странно, ведь я только вчера купил его с рук у одной очень приличной на вид старушки, и она уверяла меня, что молоко свежее.

– Это от жары, – вмешалась в разговор стоявшая рядом с нами женщина. – В жару молоко прокисает быстрее. Но сделайте одолжение, не говорите сейчас о пустяках. Мы же все-таки на похоронах.

Володька послушно, как маленький мальчик, умолк и стал смотреть перед собой, где на возвышении стоял, утопая в море цветов, гроб, и мой хороший знакомый, заведующий пищевым отделом Константин Георгиевич Маслин, как раз говорил траурную речь. Возле гроба был установлен микрофон, колонки громкоговорителя, все, как положено, так что голос заведующего далеко разносился по узкой и тихой улочке, где стоял особняк санэпидстанции, и буквально бил нам обоим по ушам своей оглушительной силой. Мой Володька, ненавидящий разного рода торжественные мероприятия, отчаянно скучал и томился.

У гроба на составленных в ряд стульях сидели закутанные в черное две женщины: одна из них выглядела пожилой, другая была значительно моложе. Рядом с молодой сидел у всех на виду и, видимо, смущаясь этого, очкастый мужчина лет тридцати-сорока, с преждевременно обрюзгшими щеками и огромными залысинами. Томимая любопытством, я не выдержала и спросила у стоящей рядом с нами дамы:

– Скажите, те женщина с мужчиной, которые сидят у гроба, это родственники покойного?
– Разумеется! – наша соседка посмотрела на меня как-то странно. Однако похоже было, что она не прочь потрепать даже в такой день. – Вон та, что постарше, это его мать. Горем убита, о господи! – она вздохнула.

– А остальные кто?

– Молодая, это его сестра, а рядом с ней – ее муж, деверь, стало быть.

– Нет, деверь, это что-то другое, не муж сестры, – попробовал было возразить Володька, но женщина даже не посмотрела на него.

– А у самого Верейского что, не было семьи? – спросила я.

– Ну, видите же! – сказала она, кивая в сторону сидящих у гроба. – Если бы была, наверное, они там сидели бы.

– Бобылем жил наш санитарный врач, – прокомментировал Володька, – мир праху его.

– Не бобылем, а с матерью, – соседка решила на сей раз отреагировать на присутствие моего супруга. – Отец-то его давно уж умер, так он вместе с матерью и жил. А у сестры своя семья.

– А вы с ним вместе работали? – вновь осмелилась я задать вопрос.

– Да, работала. А вы? – женщина вдруг пристально посмотрела на меня.

– А мы так, знакомые, – несколько смутившись, отвечала я. Такое ощущение, что моей собеседнице не очень-то нравятся мои расспросы, решила я.

– Знакомые, а про него ничего не знаете! – заметила женщина. – Вы из областной санэпидстанции, что ли? Ваше лицо мне почему-то знакомо.

– Нет, мы с телевидения! – объявил Володька с гордостью.

Черт возьми, лучше бы он молчал! Услышав эти слова, женщина вдруг посмотрела на нас весьма отчужденно, потом отвернулась и направилась от нас прочь, перешла в другое место, скрывшись в толпе.

– Как черт от лаdana! – прокомментировал мой супруг. – Ирина, у тебя очень скверная профессия, едва ее назовешь, люди сразу же шарахаются!

– Вот и сделай одолжение, не называй ее на людях! – сказала я ожесточенно. Вот это очень в характере моего супруга. Сначала испортил мне все, а потом разглагольствует с таким видом, будто он здесь ни при чем.

Нет, мой Володька зря так страдал – панихида длилась совсем недолго. Вскоре после нашего с женщиной разговора она кончилась, не маленький, состоящий из одних военных духовой оркестр заиграл траурный марш, да так заунывно и фальшиво, что мой драгоценный супруг едва не заскулил, по-волчьи задрал голову к небу. Какие-то люди с черно-красными повязками на рукавах стали разбирать венки и цветы у гроба, сам гроб готовились поставить в автобус-катафалк. Толпа возле здания городской санэпидстанции частью расходилась по домам, частью направилась к автобусам, которые должны были везти желающих на кладбище.

– Ну что? – спросил Володька, глядя на меня с надеждой. – Теперь домой?

– Нет, Вовик, – сказала я. – Мы с тобой тоже поедем на кладбище. Мне непременно нужно найти возможность поговорить с родственниками Верейского, иначе мы зря сюда приходили.

По дороге мне вспомнилось чье-то давным-давно услышанное изречение, что дорога на кладбище обязательно должна быть очень тряской, чтобы родственники умерших, подсакивая на выбоинах и ухабах, лучше запомнили день похорон. Чушь какая-то, но, ей-богу, кто-то мне так говорил. Хотя мы ехали на большом городском автобусе, вроде бы достаточно мягком и удобном, дорога и впрямь была такая разбитая, что мне стало попросту дурно от чрезвычайно мучительной тряски. Или, не знаю, может быть, это тряслось все внутри меня?

В автобусе я попыталась снова пристать с расспросами к одному из работников санэпидстанции. Рядом с нами одиноко и безучастно сидел средних лет мужчина, с черной аккуратно

подстриженной бородкой, окаймляющей его лицо и придающей ему очень интеллигентный вид.

– Скажите, а его везут хоронить на городское кладбище, да? – не сумев придумать ничего лучшего, спросила я.

– Да, конечно, – кивнул мужчина. – А куда ж еще?

– Ну, может быть, куда-нибудь в деревню, – предположил Володька, снова бесцеремонно вмешиваясь в мой разговор. – Разве у него родственников в деревне нет? – В этот момент я изо всех сил наступила мужу на ногу, тем самым прося его заткнуться.

– Нет, насколько я знаю, – отвечал бородатый мужчина задумчиво. – Наш Дмитрий Сергеевич был исключительно городским человеком.

– А правду говорят, что Верейского убили? – спросила я.

– Конечно, – спокойно подтвердил бородач. – Отравили в ресторане, который он пришел инспектировать. – Господи, какой ужас! – вздохнула я. – Да за что ж его так? Неужели только потому, что нашел у них какие-нибудь нарушения?

– Ну а почему нет? – возразил мужчина. – Или, по-вашему, это недостаточный повод?

– Ну, не знаю, – отвечала я задумчиво. – По-моему, убивают из-за денег, из-за любви, наконец...

Мужчина посмотрел на меня пристально, с иронической улыбкой.

– И вследствие производственной необходимости, – добавил он. – Не смогли подмазать, деньги отказался принять и помалкивать – ну что ж, вот и пустили его в расход! Наш Дмитрий Сергеевич, надо сказать, был очень принципиальным, вот и поплатился в конце концов.

– А что, не все на санэпидстанции такие принципиальные, как он?

– Нет, конечно! – бородатый мужчина саркастически усмехнулся. – Иначе как вы объясните, что время от времени всяческие ЧП, вроде массового отравления случаются?

– Массовые отравления? – переспросила я заинтересованно. – И часто они случаются?

– Ну, последнее было пару месяцев назад. Городская станция, кстати сказать, этим делом занималась, есть там такой тип, Константин Георгиевич Маслин, заведующий пищевым отделом, непосредственный начальник нашего Дмитрия Сергеевича. Вот он всем расследованием и руководил.

– Да? И что они нашли?

– А ничего! – бородатый мужчина снова саркастически усмехнулся. – Замяли дело, да и все. Кстати, если не секрет, вы почему всем этим интересуетесь?

– Да так, – отвечала я со вздохом, – из чистого любопытства.

Наш автобус тем временем уж въезжал в ворота городского кладбища, но я едва замечала происходящее вокруг, переваривая полученную информацию.

Городское кладбище всегда шокировало меня своими исполинскими размерами. Обозревая его, мне постоянно становилось страшно. Неужели столько народу поумирало в нашем городе за какие-нибудь последние пятьдесят лет после того, как его открыли? Можно часами бродить в лабиринте кладбищенских улиц в поисках могилы близкого человека – не зная точного номера участка, но отыскать ее практически невозможно.

Разумеется, санитарного врача хоронили на элитном участке кладбища, где скученность могил была не меньшей, но откуда открывался вид на город, и где рядами стояли дорогие, с претензией на искусство изготовленные надгробия. Толпа провожающих Верейского в последний путь выстроилась на небольшом свободном пространстве возле свежевырытой могилы, и мы с Володей затерялись в этой толпе. Ему, длинному, проще было выглядывать из-за голов людей, высматривая, что именно там происходит, но как раз Володька происходящим и интересовался менее всего, по-прежнему отчаянно скучая, глазел на облачное небо и на безрадостный пейзаж: море разноцветных надгробий с одной стороны, грязно-желтая, выжженная солнцем степь с другой.

Привстав на цыпочки, я увидела, что Маслин снова говорит речь, но на этот раз его совершенно не было слышно. Он говорил, взобравшись на небольшой подиум рядом с открытой могилой, его взгляд рассеянно скользил по лицам собравшихся, не задерживаясь ни на одном. Но вот он встретился с моим и от неожиданности чуть запнулся; я не без удовлетворения отметила, что, оправившись, Маслин едва заметно кивнул мне. Закончив речь, бывший начальник санитарного врача тут же направился к нам.

– Хорошо, что вы пришли, – сказал он. – Здесь сейчас руководство санитарной службы города почти в полном составе. Если хотите, я вам устрою встречу.

– А вы думаете, это может быть для чего-нибудь полезным? – спросила я.

– Не знаю, вам решать, – не спорил Маслин. – Вот, например, – он кивнул в сторону очередного выступающего, – главный санитарный врач области.

В это время на подиуме стоял и что-то говорил высокий, сутулый мужчина, моложавый на вид, с крупной, сильно лысеющей головой и огромными совиными очками на носу.

– Вы считаете, стоит с ним поговорить?

– Попробуйте, – Константин Георгиевич пожал плечами. – Услышите массу общих слов, какой замечательный работник был наш Димка.

Некоторое время мы помолчали, вслушиваясь в особую, неповторимую тишину кладбища.

– Как, однако, разрослось оно, это печальное место, – сказал со вздохом Маслин, оглядываясь вокруг. – Года полтора назад я хоронил одного своего друга – здесь еще ничего этого не было, а сейчас и не найдешь его могилу, затерялась среди других, как иголка в стоге сена.

Физиономия моего супруга при этих сентенциях сделалась такая кислая, что я взяла его за руку и изо всех сил сжала ее, прося его таким образом пока придержать язык за зубами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.